

A romantic couple is shown in a close embrace, about to kiss. The man has a beard and is looking down at the woman. The woman has long dark hair and is looking up at him. They are both wet, with water droplets visible on their skin and hair. The background is a blurred cityscape at night with lights.

Анна Сафина

ОНА МНЕ ТРИНАДЦЕЖИТ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

18+

Анна Сафина

Она мне принадлежит

«Автор»

2023

Анна Сафина

Она мне принадлежит / Анна Сафина — «Автор», 2023

Марат Архаров – Наглый. Грубый. Беспардонный. И друг моего дяди. Тот, кто должен присмотреть за мной и защитить от сталкера. Но никто из нас не подозревал, что неличное вдруг станет личным.***– Я тебя не отпускал, – мужской, совершенно не сонный голос.– Н-не отпускали?– Ночью ты поласковее и поразговорчивее была.– Вы-вы... меня с кем-то перепутали, – залепетала, – я только пришла, я...– Много болтаешь. Зря оделась, я снова хочу. Не бойся, по деньгам не обижу.– Отпустите, – запищала мышкой.– Строптивая, – ухмыльнулся. – Я игры люблю, детка, но не сейчас. Будь хорошей лапочкой и расслабься, дай взрослому дяде сбросить напряжение.– Отпустите. Я не такая... Я племянница дяди Захара, – захныкала.– Не гони, – прищурился недоверчиво. – Твою ж...!

© Анна Сафина, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	28
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна Сафина

Она мне принадлежит

Глава 1

На постели лежало мужское тело. Обнаженное и возмутительное в своем бесстыдстве. Моему взору предстали крупные накачанные ягодицы, проработанный рельеф лопаток, мускулистые длинные ноги, одна из которых сейчас была согнута, демонстрируя мне...

– У быков и то меньше бубенцы.

Прикусила губу, коря себя за несдержанность. Если мужик услышит, то проснется, а встречаться с другом дяди, решившим внезапно остановиться у нас в доме, наедине мне не хотелось.

Я только вернулась с практики и так надеялась понежиться в ванне и пощеголять по дому в неглиже, пока дядя в командировке, но пришедшее от него сообщение разбило в пух и прах мои надежды.

– Не мог в гостиной развалиться, что ли, козел, – прошипела, глядя на использованный презерватив, скрученный и валявшийся около кровати.

Выдохнув, на цыпочках подошла к комоду, чтобы достать домашние вещи, и в этот момент прозвучал мужской стон. Застыла испуганным зайцем, держа в руках одежду и не решаясь обернуться.

– Пожалуйста, – зажмурилась и прошептала, а после медленно развернулась.

Облегченно выдохнула, когда увидела, что он лежит в той же позе. Марат Рамисович Архаров. Так написал мне дядя. Проскользнула к выходу, но дверь находилась между кроватью и шкафом, так что снова идти так близко к чужому обнаженному телу было боязно. И когда я было обрадовалась, что вскоре окажусь далеко, произошло то, чего я больше всего боялась.

– Я тебя не отпускал, – мужской, совершенно не сонный голос, отдающий жестким приказом, заставил замереть.

Руки ослабли, и вещи полетели на пол одновременно с тем, как меня резко подхватили мужские руки. И не успела я опомниться, как оказалась под чужим мужиком, чувствуя жар простыни под собой.

Время остановилось, и мне некстати пришла в голову мысль. У него кристально чистые и красивые серые глаза, отдающие на свету зеленцой.

– Н-не отпускали? – повторила за ним и язычком провела по губам.

Это было ошибкой. Его взгляд упал вниз, а ноздри раздулись, вдыхая мой запах. Покраснела и с шумом сглотнула, впадая в приступ паники.

– Ночью ты поласковее и поразговорчивее была.

– Вы-вы... меня с кем-то перепутали, – залепетала, – я только пришла, я...

– Много болтаешь. Зря оделась, я снова хочу. Не бойся, по деньгам не обижу.

По его губам скользнула мерзкая пошлая ухмылка, а затем мне в бедро ткнулось оно.

– Отпустите, – запищала мышкой, пытаюсь выскользнуть из-под этого бугая, но он навалился всем весом и прижал плотно к матрасу.

Характерный запах секса, витающий вокруг, забился в ноздри, а к лицу приближалась его морда.

– Строптивая, – ухмыльнулся. – Я игры люблю, детка, но не сейчас. Будь хорошей лапочкой и расслабься, дай взрослому дяде сбросить напряжение.

Подчиняться я не собиралась. А когда мужские губы коснулись шеи, взбрыкнула, пытаюсь сбросить с себя стокилограммовую тушу.

– Я... Я племянница дяди Захара, – захныкала.

Это была моя последняя надежда достучаться до его сознания. Судя по дубине, твердеющей с каждой секундой сильнее, скоро вся кровь из его головы утечет ниже. Сработало. Он оторвался от меня и посмотрел неверяще.

– Не гони.

– Отпу-отпустите меня, п-пожалуйста, – промямлила и уперлась освободившимися ладошками в его грудь.

Старалась не опускать взгляд ниже. Ни на секунду не забывала, что мужчина полностью обнажен. Вставать он не торопился, как и отпускать меня. Он всматривался мне в глаза, выпытывая правду, но я стыдливо отводила взгляд.

– Учишься?

Вопрос застал меня врасплох.

– Д-да.

– Заплачу за все года твоей учебы. Сколько там тебе осталось? Года два?

– Я же сказала, вы меня перепутали, и я племянница...

– Хватит. Лазила ночью по квартире и узнала имя хозяина? Хочешь, чтобы я поверил в этот бред?

– Но я не вру...

В этот момент прозвучала мелодия звонка. Мужчина вдруг потянулся рукой под подушку и достал оттуда вибрирующий телефон. Повернул его экраном ко мне и завращал.

– Смотри, Захар звонит, – улыбнулся. – Последний шанс тебе не валять дурака.

Задержала дыхание и воспользовалась возможностью, провела пальцем, принимая вызов.

– Дядя Захар, привет, как ты? Как доехал? – проговорила скороговоркой.

– Бель? Я что, тебе позвонил? – раздалось шуршание, затем его полный подозрения голос. – Где Марат?

Наши взгляды с мужчиной встретились, и он сузил глаза, недовольно оттолкнулся ладонями от постели и забрал у меня телефон, выключая громкую связь.

– Салам, брат, – прозвучал глубокий баритон. – Да, мы с твоей племянницей познакомились.

Кинул на меня цепкий взгляд, пригвоздивший меня к кровати, и прищурился, напоминая мне кота, лениво облизывающего свои яйца на солнышке.

– Присмотрю. Не вопрос. Понял.

Короткие рубленые фразы, недолгий разговор, и мы снова остались один на один.

– Племянница, значит. Сколько тебе лет, деточка?

Сглотнула и под его немигающим взглядом цербера медленно встала с кровати. Марат босыми крупными ступнями ступил на пол и выпрямился, указывая на меня концом своего детородного органа.

– Д-двадцать два.

– Взрослая уже, – дернул губами и расслабился, снова рассматривая меня с интересом. – Кто пристает?

– Что?

– Ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос? – раздраженно двинул плечами.

Видя непонимание на моем лице, взъерошил волосы и тяжело вздохнул.

– Я так понимаю, ты девственница? – дождался моего кивка и цокнул. – Да уж, задорная неделька нам предстоит.

Что он сказал? Неделка? Возмущенно стиснула кулачки у груди и вскинула подбородок.

– А вы не можете снять себе номер в гостинице? Дядя Захар сказал, вы бизнесмен.

– Справки обо мне навела?

– Что? Нет, конечно. Я...

– Не суетись, краса, – махнул ладонью, отмахиваясь от меня, как от назойливой мухи. – Дядька тебе что, ничего не сказал?

Качнула отрицательно головой.

– Он попросил меня приглядеть за тобой в его отсутствие. Прессану твоего stalkера и наконец заценю твой легендарный штрудель. Захар мне все уши прожужжал, какая ты у него хозяйственная.

Покраснела. Неужели дядя пытался сосватать меня этому мужлану? Какой позор. Хотелось крикнуть, чтобы он убирался, и я справлюсь со слишком настойчивым поклонником сама, но открыла рот и лишь недовольно закричала. Одна я оставаться в квартире, действительно, боялась. Но пусть этот Марат не думает, что сможет вести себя тут, как в притоне.

– Ясно. Но вы... И вообще... – залепетала, подбирая слова.

Увидев его полный иронии взгляд, разозлилась.

– Не смейте водить сюда своих шлюх! – обрела, наконец, дар речи и выставила несложное требование.

– Будешь их заменять, – подмигнул.

– Да вы... Да я...

– Расслабься, пошутил, я ж не малолетка озабоченный, как-нибудь перетерплю, – хмыкнул и двинулся в мою сторону, заставив застыть.

– Очень на это надеюсь, – кивнула. – Можете остаться в этой комнате, раз уж...

Обвела демонстративным взглядом разворошенную после его ночного блуда постель. Надо будет после его отъезда сжечь всё постельное белье.

– Договорились, краса.

– Меня зовут Белль, не нужно меня так называть.

– Я в душ, краса. Так что если передумаешь, знаешь, где меня найти. Я всегда к услугам такой крали, – проигнорировал мои слова, прошел мимо и подмигнул.

Я ахнула, прикрыв ладошкой рот, и не нашла с ответом. Меня до сих пор потряхивало от мужской близости, и я побежала во вторую ванную комнату – остудить разгоряченные щеки. Нет, ну каков наглец. Пусть не думает, что сможет вести себя со мной, как с одной из этих доступных девиц.

Составлю правила проживания, по которым мы сможем сосуществовать в квартире неделю и по максимуму не контактировать друг с другом. Да, так будет правильно. И нечего вспоминать его голым в своей постели, Белль.

Глава 2

Шум воды из ванной не давал мне сосредоточиться.

Голова и так болела после бессонных ночей перед экзаменами, а тут этот дикарь невоспитанный.

Ну да, шепнуло подсознание, из-за подготовки-то мигрень, а литр вина вчера в честь окончания второго курса совершенно ни при чем.

Зло поджала губы, не желая признавать очевидное. Каникулы коту под хвост, и мужчина в душевой – лишь следствие собственного плохого настроения.

Поставила молоко на плиту и рядом турку на маленькую конфорку. Кофе нашелся на привычном месте – на верхней полке шкафа. Элитный сорт. А у дяди губа не дура, на широкую ногу живет.

Шум воды утих. Спустя несколько секунд открылась дверь.

– Девушка, а, девушка. Полотенца для горячего самца не найдется?

И как у него получается говорить одновременно и насмешливо, и ласково?

С силой протолкнула воздух через дыхательные пути, даже по груди ударила ладонью. Боже, дай мне сил. И откуда берутся такие себялюбивые мужики?

– Найдется! – прорычала и, зло бросив ложку на столешницу, потопала в спальню дяди.

Гостевые хранились строго в шкафу в коридоре, но я была так зла на дядю Захара, что решила отомстить.

Он сильно не любил, когда трогали его личные вещи.

Помню, как в прошлом месяце приезжала мама и без спроса взяла из его комнаты виниловые пластинки. В общем, скандал поднялся такой, что я опасалась приходить домой и оставалась всё это время в общежитии.

Злорадно хмыкнула, предвкушая, как этому Марату набьют его самодовольную морду. Уверена, с ним дядька церемониться и фильтровать речь, как с мамой, не станет.

Достала темное махровое полотенце с инициалами З.О. и вернулась к ванной. Дверь была приоткрыта, но я на всякий случай закрыла одной ладонью глаза и отвернулась, а второй протянула собственность дяди этому мужлану.

– Держите, – буркнула.

Забирать у меня ношу никто не торопился.

– Ну? Берете, или я уношу? Голым выйдете из ванной тогда.

– Ты меня так пытаешься наказать? Я-то мальчик не стеснительный, а вот тебе могу психологическую травму нанести, – голос раздался почему-то чересчур близко ко мне.

– Не льстите себе, чего я там не ви... – раскрыла глаза. – ...дела.

Ну да, так и есть. Этот бесстыдник открыл дверь и стоял в неглиже напротив. Даже не стеснялся, а будто выпячивал свою наготу. Выставил товар лицом.

– А ты проверь.

Ему и правда нечего стесняться. Литые бугристые мышцы груди, по которым стекали капли воды, внушительные бицепсы, рельефные поперечные мышцы живота.

Жилистый, не на сушке, как сейчас модно.

Взгляд непроизвольно скользнул вниз, но я быстро отвела глаза. Еще не хватало пялиться на чужое достоинство.

– Нравлюсь? – дернул грудной мышцей.

– Нет.

– А по взгляду и не скажешь. Будто оседлать меня готова. Ты только скажи, я всегда готов.

– Я же сказала, нет! – рявкнула.

Главное, чтобы не заметил, как покраснела моя шея и ускорился пульс.

– Ну-ну.

Фыркнула от его наглости. Прямо Милон Кротонский, тоже мне.

– А ты у нас тогда кто, Мийя?

О боже, я что, говорила вслух? Дурная привычка, оставшаяся после учебной практики в теплице. Вот что с нами делает одиночество.

– Не переживай. Это тебе точно не грозит, красивая, – подмигнул и протянул ко мне руку.

Опять лапы свои распускать удумал, гад ползучий. Отшатнулась и словила его ироничный насмешливый взгляд.

– Полотенце, может, отдашь?

Покраснела. О черт, опростоволосилась. Теперь будет думать, что нравится мне. Качок недобитый.

Кинула ему полотенце и сбежала обратно на кухню. Вслед донесся самодовольный смех.

Кофе за время моего отсутствия убежал, так что пришлось заваривать новый.

– На кого учишься, краса?

Подпрыгнула. Обернулась и еще сильнее разозлилась. Даже не удосужился одеться. Обернул полотенце вокруг бедер и явился так на кухню. Отодвинул по-хозяйски стул и вальяжно сел, раскидывая ноги в стороны. Махровая ткань натянулась и обозначила его причиндалы.

– Не ваше дело, – буркнула, отворачиваясь к плите и размешивая кашу в кастрюльке.

Даже не могу пристыдить его приличиями. После нелепой сцены у ванной подумает еще, что я падка на его грубый избитый флирт.

– Какие мы бу-бу-бу.

– Вы ведете себя не по-взрослому!

Потеряла терпение, развернулась и топнула ногой, глядя на этого наглеца, не желавшего покидать кухню. Мужчина вдруг встал со стула, выпрямляясь во весь рост, и я испуганно сглотнула. Крупный, словно скала, он производил пугающее впечатление. Его плечи развернулись вширь и, казалось, заняли всё пространство небольшой кухни.

– Марат Ра-рамисови-вич...

Страх так сильно сковал меня, что я стала заикаться, пытаюсь выговорить его отчество. Выставила одну ладонь вперед, а второй облокотилась о разгоряченную плиту.

– Ай, – отскочила, дуя на руку и видя там зарождающееся покраснение.

– Осторожнее, краса, – подскочил ко мне и помог промыть ладонь под проточной водой.

Как только острая боль прошла, до меня дошло, что он прижат ко мне чересчур близко. Так плотно, что я ощущала его горячую кожу даже через одежду. Развернулась, пытаюсь отодвинуться, но он нависал, держа обе ладони по бокам от меня.

– Я Белль, не Мийя. У вас с памятью проблемы? – наехала, хмуря брови и глядя на его переносицу.

Дядя всегда называл меня ежиком. Такая же ершистая и иглоопасная, особенно когда смущаюсь. Защитная реакция организма, с которой ничего не могу поделать.

– Мийя – это жена Милона, с которым ты меня сравнила. Кстати, у тебя кофе убежало.

– Убежал, – поправила машинально.

Еще и безграмотный. Правильно говорят. Сила есть, ума не надо.

Потянулась указательным пальцем поправить очки, но наткнулась на переносицу. Так разнервничалась, что забыла про линзы, которые ношу вместо уродских окуляров.

Пожалела, что и их надела. С моим зрением в минус три чувствовала бы себя комфортнее, не видя мужчину так четко, как сейчас – гладкая кожа так и манила потрогать ее, убедиться, так ли он хорош на ощупь.

– Кофе убежал, – повторила еще раз, когда он насмешливо изогнул правую бровь.

А потом до меня дошло. Повернула голову и увидела, как по поверхности новой электрической плиты растекается темная жидкость, пачкает дверцы духовки и пятнами капает на пол.

– О черт! – застонала и попыталась оттолкнуть Марата, но его рука будто приросла к краю столешницы. Не отодвинуть.

– Не переживай, краса, я тебе новое кофе сварю.

Он просто надо мной издевается. Питается моими эмоциями, словно энергетический вампир.

Поджала губы, чтобы не доставлять ему удовольствие, но молчание давалось мне тяжело. Язык чесался, а в груди пекло, до того сильно хотелось поставить этого грамотея на место.

Лишь силой воли не смотрела на плиту. Иначе он примет мою ответственность за слабость, и наше проживание превратится в его доминирование и мои истерики.

Подействовало.

Он, наконец, отодвинулся и сам потянулся к плите, выключил конфорку, повернув регулятор температуры на значение ноль.

– Я не пью кофе. И вы специально треплете мне нервы? Кофе мужского рода, а не среднего, прекратите насиловать мои уши!

Ощутила победу и выпалила, не удержав в себе педагога. Пусть я отчислилась и поступила на кафедру ботаники, но два года на филологическом не прошли даром. Свои тройки в зачетке ведь только я видела.

– Боже, краса, неужели я так тебе понравился?

– Что?

– Для меня кофе варила, да? Я польщен, но если что, женщина готовит завтрак мужчине на утро после бурного секса. Такой порядок. Запоминай. Не наоборот. Но для тебя могу зачесть всё это авансом. Цени.

Единственное, что я собралась заценить – это календарь, где красным кругом отмечу дату его отъезда.

– Не собираюсь ничего запоминать! Вы! Да вы! Отойдите уже, мне надо убраться!

Снова толкнула его, но он, как обычно, не сдвинулся с места. Продолжал смотреть на меня снисходительным взглядом.

– Убраться? Я тебя вроде не прогонял.

– Я имела в виду прибраться, – заскрежетала зубами. Подловил на слове, гад.

– Да понял я, что ты имела в виду, королевщина. Отойди уж, не дай боже испачкаешь свои белы ручки, – закатил глаза и обхватил меня своими ручищами, прижимая вплотную к себе.

Только открыла рот, чтобы закричать, но он так сжал мое тело, что из меня выбило весь дух. Поднял в воздух и поставил около стола, сам же развернулся, схватил губку и жесткой стороной стал натирать плиту.

– Нет! – крикнула, подбегая в панике и пытаясь то ли выхватить у него средство изуверства, то ли оттолкнуть его самого.

– Не суетись, краса, совсем голову от любви ко мне потеряла? Мужчины любят недоступных, совет тебе на будущее.

– Можете засунуть свои советы в ж***! – прошипела.

Грубость повисла в воздухе.

– Ай-ай-ай! Чей-то рот просит мыла, – цокнул и дал мне щелбан по лбу.

– Ай! Больно!

– И чтобы больше нецензурно не выражалась!

– Да вы меня удивляете. Вы еще и такие слова знаете.

Проигнорировал мою издевательскую насмешку и отвернулся.

– Не мельтеши, иди лучше, присядь, пока взрослые за тобой косяки подчищают.

Встал так, что к плите было не подойти, загородил своими необъятными габаритами и двигался то влево, то вправо каждый раз, когда я появлялась рядом. Тоже мне, взрослый.

Застонала, осознавая тщетность своих телодвижений. Присела без сил на стул и опустила голову на выпрямленные вдоль его поверхности руки.

– Дядя Захар меня убьет.

– Что за уныние тебя одолело, Белль? Видишь, я всё убрал.

– Ну конечно, натворили делов и сразу Белль. Да вы хоть знаете, как ухаживать за этой плитой?

– Не вчера родился, краса. Я всё по дому умею. И готовить, и убираться, и чинить. Руки у меня из того места растут. И не только руки, – подмигнул, опуская взгляд к краю полотенца.

Ну да, как же без пошлостей даже в такой ситуации.

Закатила глаза, чувствуя, как внутри полыхает тлеющий гнев. Подорвалась с места и подошла к раковине, тыкая в угол.

– Вот губка для мытья плиты. А вот жидкость. Вы только посмотрите, сколько царапин появилось на плите из-за вашего невежества.

Объясняла по-простому, проще только для чайников.

– А это? – поднял руку, в которой зажат другой поролоновый прямоугольник.

– Для мытья посуды! – гневно выпалила и прикрыла глаза, шумно выдыхая сквозь зубы воздух.

Будь я драконом, сожгла бы уже кухню дотла.

– Нудная ты, краса. Сложно мне с тобой будет.

Качая головой, подошел ближе и потянулся к крану, прокручивая ручку для смесителя вправо. Сзади хлынула холодная вода.

– Идиот! – выпалила и рванула к выходу. Мне срочно нужно остудить пылающее от гнева лицо.

– У тебя каша подгорает! – крикнул, как только я выбежала в коридор.

– А-а-а! – закричала что есть мочи и потопала обратно.

День еще не начался, а уже испорчен.

Прав был дядя Захар. Вставать с утра надо с правой ноги.

Глава 3

Лежала на диване и составляла обещанный список.

Тэк-с.

Первое. В мою спальню входить нельзя.

Повернула головой из стороны в сторону и скривилась. На ближайшую неделю моя спальня – это гостиная.

Второе. Водить людей в дом нельзя.

Хмыкнула. Пожалуй, для этого мужлана это будет самое сложное правило. Судя по бешено хлещущему тестостерону, секс такому нужен каждый день. Желательно, три раза – утром, днем и вечером.

Встряхнулась. Успокойся, Белль, ты же благовоспитанная барышня, девственница, в конце концов. Плотские желания – для девиц легкого поведения, а ты – выше этого.

Дыхательные упражнения и на этот раз помогли, так что я снова сконцентрировалась на листке бумаги.

Третье. Душ с семи тридцати до восьми тридцати утра не занимать.

– Бдыщ! – вдруг прозвучал резкий звук удара.

Подорвалась и побежала к источнику.

Дверь спальни дяди Захара была приоткрыта.

Марат стоял в боевой стойке около груши и методично молотил по ней кулаками, обернутыми в черные бинтовки.

– А вы спрашивали разрешение? – прислонилась к косяку и сложила на груди руки, пытаясь скрыть учатившееся сердцебиение.

Голый по пояс, в одних шортах, он портил все предпринятые мной минуту назад усилия над собственным слабым телом.

– М? – поднял руку и остановил тряску груши.

Медленно обернулся и рассмотрел меня нагло с головы до ног во всех деталях.

– Дядя Захар никому не разрешает входить к себе в комнату.

– Мне можно.

– Но...

– Мне всё можно, краса. Не переживай, я мальчик ответственный и сам за себя отвечу, если надо будет.

Замолчала. Сглотнула, жадно пожирая его накачанное тело глазами.

На кухне случился такой переполох, что разглядывать его у меня не было времени, а сейчас я застыла, словно никогда не видела обнаженных тел. Поправочка, таких мужских тел.

Кого ты обманываешь, Белль, таких фактурных днем со днем не сыскать. Это тебе не культуристы в телевизоре, а живой мужик из плоти и крови. Его тело закалено и испытано долгими и упорными тренировками, и совсем не на турнике. Боевые искусства какие-то?

– Муай-тай.

– А?

Посмотрела ему в глаза. Судя по насмешке в его глазах и изогнутых лукаво губам, вид у меня был растерянный и явно не благочестивый.

– Ты спросила, чем я занимаюсь. Я ответил. Муай-тай. Тайский бокс. Может, слышала?

– А? – боже, дайте мне хлесткой пощечины. Приди в себя, Белль!

– Уоу, да кого-то коротнуло походу не по-детски.

Задержала дыхание, наблюдая, как вся эта гора сексуальных мышц медленно приближается.

– Да нет, я... – прокашлялась, прогоняя выдававшую меня с головой хрипоту. – Вот.

Не нашла ничего лучше, чем отдать ему лист с недописанными правилами.

– И что это? – вытер тыльной стороной кисти пот со лба и протянул руку, второй облокотившись о косяк выше моей головы.

Слишком близко ко мне. Невыносимо. До спертого дыхания.

– П-правила проживания.

– Ммм.

– Я еще не до... – раздался треск разорванной бумаги. – ...делала.

– Вот видишь. Я сэкономил тебе время, краса.

Подмигнул, скомкал оборвыши в комок и единым движением запулил в мусорный бак, стоявший около письменного стола дяди.

Этот грубый жест вызвал во мне такую бурю негодования, что я потеряла дар речи, открывая и закрывая рот, словно сломанная кукла.

– Не провоцируй, краса, – прохрипел, глядя на меня с высоты своего роста. – Демонстрируешь мне свои диаметры?

Тишина. Его взгляд устремился к моему рту, а я молчала, не понимая, на что он намекал. А затем до меня дошло.

– Хам! – ударила ладошкой по груди, развернулась и убежала с поля боя, красная аки рак.

Хлопнула дверью и снова села на диван, доставая новый листок.

Тэк-с.

Правила проживания на одной территории с невоспитанным мужланом и дикарем. Дубль два.

Спустя сорок минут моих мучений и еще десять – рефлексий, я, наконец, вышла из гостиной и двинулась в собственную спальню. Дверь закрыта, так что я, как деликатная барышня, постучала.

Ответа не последовала.

Три стука следом.

Тишина.

Терпение мое на исходе.

Сжала ладонь в кулак и практически забарабанила, выплескивая свою истерику. Уже готова была занести ногу и отпинать эту дверь, хотя подобного за мной никогда замечено не было.

С кем поведешься, того и наберешься, как говорится.

– Звали б тебя Варвара, краса, я бы величал тебя «о, мой варвар».

Подпрыгнула, услышав насмешливый мужской голос за спиной.

Обернулась и резко выдохнула.

– Корейских дорам пересмотрели? – буркнула.

– До-рам? – переспросил, произнося слово по слогам, чуть ли не почесывая затылок.

На лице было написано такое недоумение, что я прикусила язык. Не люблю ведь афишировать свои пристрастия.

– Возьму на заметку.

– Где вы были?

Сама не заметила, что мой голос прозвучал чересчур ворчливо для недельной безликой соседки, какой я хотела бы остаться.

– Ревнуешь?

– Не несите чепуху, я тут бог знает сколько простояла, а вы даже не удосужились...

– На попце твоём завис, – нагло перебил и опустил глаза ниже.

– Вы! – выплюнула, ощущая, как покраснели щеки. – Невоспитанный... Пошляк!

– Каюсь, я такой, – подмигнул. – А за чистосердечное плюшки полагаются?

На его лице возникла хитроватая и намекающая на горизонтальные игры улыбка.

– Плюшки? – поджала губы и произнесла со злорадством. – У нас здесь конвейерный агрегат по раздаче преференций. Дубль два, кстати, прошлый-то вы порвали.

Опомнилась и зашелестела перед его носом новым исписанным листом.

– Не тратьте свои силы на этот раз. Я была умнее и сделала несколько экземпляров. Так что от правил вам никуда не деться, Марат, – протянула к нему листок бумаги. – Будьте добры, ознакомьтесь с моим регламентом и поставьте подпись.

Мужчина прищурился, но ручку не взял, только выхватил документ и несколько секунд потратил на чтение.

Периодически на его лице отображалась противоречивые эмоции – от веселья до издевательской и какой-то порочной усмешки.

Ощущала себя неуютно под прицелом его мимолетных насмешливых взглядов.

Получив недолгую передышку от его словесного поноса, смогла в деталях рассмотреть его внешний вид. Спортивные черные штаны, такого же цвета майка и толстая серебряная цепь на шее.

На обнаженной коже плеч блестели капли воды, а через правое плечо перекинута чуть влажное полотенце. Ясно, принимал душ после тренировок. И как я не услышала журчание воды?

– Понял, – кивнул Марат, отвлекая меня от бесстыдного изучения его босых ног. Сорок шестой размер, не меньше. Интересно, в интернете правду говорят...

– Ты фут-фетишистка?

Дернулась от такого неожиданного вопроса. Захрипела, замычала, не зная, как реагировать.

Скажу да, совру, к тому же опозорюсь. Скажу нет, по моему красному лицу и бегающим глазам он поймет, какие мысли бродили в моей порочной голове.

Дядя Захар решил бы, что я заболела, а вот Марат... Нет, он, казалось, видел меня насквозь.

– Ставьте уже подпись, я просто задумалась. Больно нужны мне ваши стопы.

Я было почувствовала себя победительницей, протягивая ему ручку, как вдруг он спустил меня с небес на землю.

– Я составлю свой список, и мы обсудим правила повторно.

– Как это?

– У тебя свои требования к жильцам, у меня свои, краса, – щелкнул меня по носу.

Отступила назад, увеличивая между нами расстояние. Вообще не стоит к нему больше подходить. Это опасно для жизни. Его жизни.

– Но это вы гость в доме, не я. В отсутствие дяди Захара...

– А ты когда молоко на рынке покупаешь, что...

– Я не покупаю на рынке.

– Правда? А жаль, я люблю кофе с молочком. Желательно парным.

– Парное у нас только по четвергам.

– Да ладно? Серьезно? Я думал, ты за магазинное, белоручка, брезгуешь натуральным продуктом

– Я, между прочим, до восемнадцати в деревне прожила, – гордо вздернула подбородок. Стало как-то обидно за всех деревенских.

– Так ты у нас селяночка?

Открыла было рот, чтобы поставить его на место, но осеклась. Привыкла, что одногруппники, преимущественно, городские, пытались меня задирать, но в устах Марата фраза прозвучала в другом контексте.

– Так причем тут рынок и наш регламент проживания?

– Уже наш, не твой? Да у нас прогресс. Глядишь, через неделю человека из тебя сделаю, краса.

Я уже смирилась с его этим возмутительно-ласкательным краса, но его попытки отнять у меня права в почти собственном же доме уже выходили за рамки.

– А рынок... У покупателя и продавца должно быть взаимовыгодное сотрудничество. Так и у нас, зачем мне подписывать заведомо невыгодный договор.

– Хор-р-рошо, пишите свои условия, – выдавила из себя, но рык сдержать не сумела.

Если для получения его подписи мне придется пойти на компромисс, так тому и быть. Мужчины в быту более неприхотливы, и вряд ли его требования способны вогнать меня в шок.

– Я пройду?

– Что?

Господи, Белль, что с тобой, что за замыкания? Неужто влюбилась, поэтому так себя глупо и ведешь?

Встряхнула головой. Глупости. Я и любовь – понятия несовместимые.

– Ты проход загораживаешь, краса. А я привык серьезными вещами в постели заниматься, – подмигнул, нависая, и снова принялся разглядывать меня с невероятным бесстыдством.

Каждая его фраза сводилась к сексу, но я до сих пор не могла к этому привыкнуть.

Как назло, даже дяде Захару не пожалуешься, тогда все в семье окончательно решат, что я несамостоятельная, и прощай, взрослая жизнь. Нет уж, Белль, учись-ка ты сама отшивать таких вот полорогих.

– Жду вас с вашим списком через десять минут, – кивнула.

Оттолкнулась от двери и пошла к гостиной.

– Я не скорострел, краса, минимум час.

Сделала глубокий вдох и проигнорировала очередную пошлость. Он просто издевается, не обращай внимания, Белль.

Вслед мне донесся свист. Снова залип на моем попце.

Закрылась в гостиной, но хлопать дверью не стала. Нужно срочно менять тактику поведения. Отныне сплошное безразличие и точка. Ты есть лед, Белль, ты есть мороз.

Глава 4

Не прошло и получаса, как прозвучал звонок в дверь.

Спальня оказалось закрытой, а Архаров даже и не думал выходить из нее.

Я никого не приглашала, так что вывод напрашивался один – гости приперлись к нему.

Раздраженная, что Марат еще не подписал регламент, а уже нарушает правило номер два – не водить в дом людей, зло потопала к двери.

– Вы ошиб... – выпалила, как только открыла дверь, желая выгнать незваного гостя еще на подлете, и осеклась.

Совершила опрометчивую ошибку, заранее не посмотрев в глазок.

– Добрый день, Белослава, – прозвучал занудный и излишне манерный голос моего личного сталкера.

Плюгавый, маленького роста, с зализанными назад волосами, в твидовом костюме и толстых роговых очках, Егор Любавин не внушал никому ни страха, ни опасений, только чувство жалости и снисходительности.

Так же думала и я, кинувшись месяц назад спасти его от падения с окна нашего многоэтажного здания университета.

Оказалось, что его бросила девушка, и он впал в депрессию, а я сдуру, испытывая к нему сострадание, убедила его, что как парень он ого-го, и даже я бы стала с ним встречаться.

Кто же знал, что он воспримет мои слова буквально и примется осаждать меня с каждым днем всё агрессивнее и настойчивее.

– Добрый и прощай, Егор-о-о, – сделала попытку захлопнуть дверь, но он резко выбросил вперед руку и заверещал, когда ее прищемило металлом.

– Ай-я-я-яй, мамочки, как болит, – запричитал, прижимая пострадавшую конечность к груди и баюкая ее на младенческий манер.

Жалко его не было, но стало страшно. Меня уже таскали в РОВД из-за одного его такого заявления.

– Белослава, у меня, кажется, перелом, – захныкал, заставляя меня почувствовать за собой вину. – Поехали в больницу, мне срочно нужен рентген.

Застыла с открытым ртом прямо посреди порога и переступила с ноги на ногу.

Скрипнула соседская входная дверь, и оттуда вышла наша соседка, баба Валя, главный поставщик сплетен на районе.

– Одевайся, Белослава, я сейчас сознание потеряю, – продолжал страдать и канючить Егорка, а соседка, как назло, долго копалась в сумке, якобы ища ключи, чтобы закрыть квартиру.

В памяти вдруг всплыл тот день, когда его бросили, и в груди расплылся страх, что всё повторится, но на этот раз по моей вине. Встречаться с ним я не планировала, но как отшить так, чтобы не стать виновницей его самоповреждений, не знала.

– Где моя сладкая булочка? Ты почему еще не в постели, краса? Мой двадцатисантиметровый боец уже весь в ожидании.

Наглый и в то же время ленивый голос Марата прозвучал, как нельзя кстати. Я засияла ярче начищенного пятка и отступила вглубь квартиры.

Он стоял сзади в одних черных боксерах, посередине которых отчетливо обрисовывался член в спокойном состоянии. Как вдруг ткань начала резво натягиваться, напоминая парус и вгоняя меня в краску.

– Кто это еще такой, Белослава? – раздался сзади визгливый голос Егорки, и я, наконец, оторвалась от созерцания мужского стояка.

Архаров не растерялся и выдвинулся вперед, загораживая меня своей внушительной шкафообразной фигурой. Поднял одну руку, опираясь о верх дверного косяка, а второй небрежно почесал голую волосатую грудь.

– Экстрасекс я ее, а ты кто таков будешь, хореk?

– Я официальный жених Белославы.

– Кого?

– Меня так зовут, – вклинилась.

– А ну немедленно оденьтесь и уходите! Ей ваши сомнительные услуги не нужны. Кто это такой, Белослава, сантехник? Он пристает к тебе? Я сейчас вызову полицию и...

– А ну-ка дай сюда, чмырь, и пшел отседова, – выхватил телефон из рук Егорки, выключил его и кинул тому обратно.

Баба Валя в это время достала свой новенький смартфон, который ей подарили внуки, и направила камеру на Марата. Спряталась за его спиной, чтобы не дай боже не попасть в кадр, но уже представляла, какие пойдут по двору слухи.

– Да что вы себе позволяете?!

– Ну-ка отошел.

Архаров слегка шуганул его, подавшись вперед, а тот от испуга отлетел с такой силой, что упал, пропахав копчиком всю лестничную площадку. Лицом ударился о перила во время полета, да так сильно, что на виске, кажись, намечается синяк.

– Я... Я буду жаловаться!

– Пожалуйся на свой маленький скипидар, визгляк.

Дверь захлопнулась, и мы остались в квартире наедине.

– Экстрасекс, серьезно?

Пока он осаждал Егорку, я незаметно погуглила и покраснела.

Экстрасекс – человек с большой половой потенцией. Боже, ну и самомнение у мужика.

– Хочешь проверить? – обернулся и двинул бедрами.

– Обойдусь, – буркнула и вздрогнула, когда прозвучал настойчивый звонок в дверь. Снова.

– Слышь, клешни свои убрал, голова уже трещит, – открыл дверь Марат и толкнул парня.

Баба Валя и не думала уходить и стояла у стены, вытаращив с интересом глаза. Уже даже и не скрывала, что никуда ей идти не надо.

Мой недоделанный сталкер поджал губы, насупился и демонстративно поднял указательный палец, вдавливая его в дверной звонок. Минуты две царило полное молчание и неприятное пищание.

– Он убогий? На учете не стоит? – спросил у меня Архаров, складывая на груди руки и облокотившись о косяк.

– Егор, уходи, – шагнула вперед, вставая напротив гостя. – Это Марат, и он мой мужчина. Всё между нами кончено.

– То есть у нас были отношения? Ты это признаешь? – перестал трезвонить и засиял, словно я вселила в него уверенность. – Я тебя отобью, Белослава. Ты сама не понимаешь, что околдована, иначе...

– Какой же ты душный чмырь, – застонал Марат, словно чему-то удивлялся.

– Господи, он же тупой солдафон, и что ты в нем нашла, Белослава?

– Большой член, дровича, – вклинился между нами Марат и навис над Егоркой. – Знаешь же, что это такое у настоящего мужика между ног бывает?

– Что вы себе позволяете? – поправил нервно очки. – Сомневаетесь в моей маскулинности? Между прочим, это набор социальных качеств, а не физических. И чтобы вы не кичились сейчас размером своего достоинства, сомнительного на мой взгляд, должен вам заявить, что

на размер полового органа влияет уровень тестостерона, в свою очередь являющимся наследственным фактором.

– Сомнительного? Еще бы я с тобой в одной бане не раздевался. Варезку прикрой, лопух!

– Ваш лексический запас оставляет желать лучшего, что еще раз доказывает, что я наиболее выгодный самец для продолжения рода с точки зрения эволюции, умственных способностей и...

От этой нудятины у меня разболелась голова, а Марат агрессивно сложил руки на груди и двинулся вперед на андрогиноподобного парня вдвое меньше себя.

– Че? – дернул головой Архаров и оскалился. – Слышь, ботаник, иди отседова по добру, по здорову, пока я тебе голову не откусил.

– Это два разных заблуждения. Ботаник – это ученый, который занимается растениями, то есть Белослава, в то время, как я занимаюсь сугубо царицей всех наук – математикой, а откусить голову вы мне просто физически не способны. Кхе-кхе, вы же не самка богомола, – захихикал будущий смертник, у которого напрочь отсутствовало чувство самосохранения.

– Ты, видимо, совсем тугой, парень, – хрустнул костяшками пальцев Марат и ударил кулаком о свою ладонь. – Один мой удар равен девятистам килограмм. Язык цифр ты понимаешь лучше, да, лопух ушастый? Сечешь, к чему я клоню?

– Секу. И должен уведомить, что вы просто... Обезьяна! – визгливо крикнул Егорка, по-другому его язык назвать не получается. Ну не тянет он на гордое звание Егора. – Я на вас в полицию заявление напишу! Не бойся, Белослава, я тебя спасу из его плена.

Мой личный сталкер исчез с лестничного пролета так резво, что аж пятки засверкали. Я выдохнула, но чувствовала, что просто так он не отступится.

Архаров выразительно и нагло глянул на соседку.

Та поперхнулась, как-то резво закрутилась на месте и юркнула в свою квартиру, громко хлопая дверью.

Уверена, прилипла к глазку и наблюдает, что же будет происходить дальше. Но мой невольный сосед закрыл дверь следом, и мы снова остались с ним наедине.

Он – полуголый и отчего-то всё еще возбужденный. И я – покрасневшая и взбудораженная его видом.

– Теперь слухи по подъезду пойдут, – вздохнула, не представляя, как всё это объясню маме, когда она приедет в следующий раз.

Ей любопытные кумушки донесут обо всем сразу, не успеет она еще даже из машины выйти.

– Слышала такое выражение «не можешь победить, возглавь?»

– Ну?

– Предлагаю оправдать эти слухи, – подмигнул Архаров и вдруг двинулся на меня.

Его руки как-то резко подняли меня в воздух, и мне от неожиданности пришлось руками обхватить его за шею, а ногами за талию.

Одна мужская рука держала меня на весу, а вторая вольготно без стеснения помяла мои булочки. Нагло так, будто имела на это право.

– А ну, отпустите меня! – прошипела, дергая ногами и пытаясь слезть, но он прижал меня к стене, и двинуться стало проблематично.

– Тебе же нравится, – прошептал и покрутил бедрами.

Я чуть не застонала, ощутив между ног его вздыбленный член, и вцепилась ногтями ему в шею.

Он зашипел от боли, но не дернулся.

– Девочка любит садо-мазо?

– Девочка любит, когда мальчики соблюдают договоренности. Пункт четыре, господин Марат, – поджав губы, прекратила ерзать.

Догадалась, что мои трепыхания возбуждают его еще больше.

Из всех остальных пункт четыре волновал меня больше всего.

«Руки в отношении соседа или соседки не распускать».

– Ты всегда такая дотошная? Любишь, чтобы всё было по букве закона? – разочарованно качнул головой и разжал хватку.

– Это называется правильная, – сползла по его телу, сцепив зубы.

Проехалась всеми выпуклостями вдоль мужского торса и задела животом вздыбленный член, даже не думавший опадать.

– А ты у нас везде правильная, получается? Может, на четверть бунтарочкой побудешь, м? Мы дядьке твоему не расскажем, – спросил с надеждой, хмыкнул и поставил ладонь около моей головы, опираясь о стену.

– Правильные девочки зато не попадают в ад и не разочаровывают своих родственников, – фыркнув, согнула ноги в коленях и юркнула под его рукой, убегая от него как можно дальше.

– Правильные девочки не получают оргазмов, Белль.

Его слова донеслись мне уже вслед, но я не удержалась и остановилась у порога кухни. Обернулась и выразительно обвела его тело взглядом.

– А правильные друзья чужих племянниц не соблазняют, – двинула бровями и с удовольствием еще несколько секунд понаблюдала, как сжались его челюсти и заиграли желваки на скулах.

Отвернулась и быстрым шагом подбежала к окну на кухне.

Услышала, как в коридоре раздался стук удара кулака об стену. Такими темпами по приезде дяде Захару придется делать ремонт.

Пока Архаров выплескивал гнев, я выглянула в окно, пальцем незаметно отодвигая шторы.

Машина брата Егора, как я и думала, была припаркована у подъезда.

Я не столько переживала за чувство вины за отказ, сколько опасалась реакции его старшего, с которым мне уже приходилось иметь дело. Сиделец со стажем и его личная охрана.

Автомобиль постоял еще немного, затем сорвался с места и уехал, обдавая газами воздух.

Егорка, видимо, донес, какой бугай встретил его на пороге, так что стоит предупредить Архарова, что они наверняка приведут с собой подмогу.

Тяжко вздохнула и подпрыгнула, когда бедер коснулись мужские руки.

– Экая ты пугливая, краса.

– Хватит меня лапать! – рявкнула, шлепая его по рукам и с жадным слюноотделением отмечая выпирающие голубые вены. Моя слабость, если честно.

– Поверь, краса, я еще и не начинал.

– Напоминаю, регламент!

– Так я его еще и не подписывал. Всё честь по чести. По закону, если так тебе удобнее.

Заскрежетала зубами, но крыть было нечем.

– Слушайте, вы! – шагнула вперед, сделала паузу, выдыхая тяжелый воздух, и процедила. – Я вам не одна из ваших путан, так что извольте...

– А если не изволю?

Снова прижал меня, на этот раз к подоконнику.

Грудь его вздымалась, ноздри широко раздувались, а на виске пульсировала вена – всё говорило о том, что моя близость его волнует. Впрочем, он этого и не скрывал.

– Оденьтесь. Нечего тут в одних трусах щеголять.

– Так волнует моя нагота?

– Да! То есть, нет. То есть...

– Беспокоишься, что захочешь меня? М?

Голос его стал ниже и глуше, а лицо наклонилось чересчур близко ко мне.

Задержала дыхание, опасаясь вдыхать его мускусный аромат, который пробуждал во мне что-то странное и доселе незнакомое, и оттого мне это не нравилось.

Громко сглотнула и напряглась, когда его глаза вдруг опустились на мои губы и подозрительно заблестели. Слишком внимательно смотрел на них, будто собирался...

– Вам бы лучше о себе сейчас побеспокоиться! – выпалила, отталкивая его и огибая голое тело по дуге. – Егор не так прост и...

– Ссыкло твой Егор, и чмо цифровое. Не понимаю, чего Захар так всполошился насчет него, – перебил, даже не дослушав.

Пожал плечами и развернулся, опираясь ягодицами о подоконник и складывая на груди руки.

Это было целое испытание для меня – не опускать глаза ниже его подбородка.

Вот она, твоя проверка, Белль, мелькнуло в голове озарение. Та, о которой предупреждал отец.

«Продержись всего недельку, и будешь молодец», – будто наяву услышала его голос.

От этого «молодец» заныли зубы, но я проигнорировала голос порока, который пытался увести меня с пути истинного.

– Егор уже месяц меня преследует, и вы не первый, кто пытается мне помочь, – поджав губы, воззвала к голосу его разума.

– Значит, не те помогали. Теперь рядом с тобой настоящий мужик.

Ясно, дядя не до конца ввел его в курс дела.

Вдохнула и присела на стул, вынужденно глядя на мужчину снизу вверх.

И заговорила, сумбурно поясняя, в чем состоит главная проблема сталкерства Егора Любавина.

Вопреки ожидаемому страху, после моего рассказа на лице моего соседа не отразилось ни одной эмоции. Только пренебрежение и усмешка, которая так и не сошла с его губ.

Марат Архаров, казалось, совершенно ничего не боялся.

А вот я на его месте не была бы столь самонадеянной.

Было несколько парней-спортсменов с потока, которых я просила отвадить Егора, но после бесед с его братом они шеголяли синюшными фингалами и шарахались от меня, как от чумной.

Так что пришлось вчера звонить с повинной к дяде, но он, как назло, уехал в командировку.

И теперь я живу в одной квартире с бесстыдным, порочным и совершенно не желающим сдерживать свой похотливый нрав волосатым мужиком.

Глава 5

Мы с Архаровым продолжали сидеть напротив и смотреть друг на друга. Он – с иронией во взгляде, я – с мыслью, что он самовлюбленный идиот. Одно другому не мешает.

– Слушай, красавица Белль, я всё спросить хотел. Егорка этот называл тебя всё время Белослава, – прищурился и глянул на меня с подозрением. – Так как тебя всё же зовут? Белль? Или Белослава?

Заскрежетала зубами, не желая отвечать. Это всегда была для меня больная тема.

В семье отца принято называть всех старославянскими именами, и меня эта участь не обошла стороной.

– По паспорту я Белослава, – выплюнула, намекая всем видом, что называть меня так не следует.

Судя по веселью, написанному на его лице, он не из пугливых, а из тех, кто делает и говорит всё, что пришло на ум.

В детстве я и без того натерпелась насмешек. Повезло, что одноклассники особенно и не интересовались такими подробностями.

Старосте, правда, пришлось заплатить, чтобы она не афишировала мое настоящее имя, но я еще малой кровью отделалась, считай.

– Как тебя зовут, повтори-ка еще раз? – даже наклонился, выставляя вперед ухо.

На его губах готова была разыграться улыбка, и от этого мне было тошно.

Решив раз и навсегда закрыть эту тему здесь и сейчас, назвалась своим полным ФИО.

– Тихомирова Белослава Ярополковна.

Сначала возникла тишина. Секунда. Две.

А затем Марат запрокинул голову и засмеялся. Громко, заразительно. А вот я поджала губы, уже привыкнув к такой реакции.

– Так ты у нас, значит, никакая не Белла. Я уж было подумал, родители у тебя совсем чокнулись на американских сериалах. А они у тебя староверы, видать. Хоть одно радует, наших краев, – отсмеявшись, выдал.

– Никакие они не староверы, – процедила сквозь зубы. – Просто любят старославянские имена. Наша семья, между прочим, происходит...

– Стоп-стоп, – выставил мужчина вперед ладонь. – На этом мне потрясений хватает, не продолжай. Ты у нас тогда не краса будешь, а Беляночка.

– Фу, на беляш похоже, – фыркнула, стискивая кулаки и желая расцарапать его наглое лицо.

– Бельчонок? – подмигнул и сразу же сам себе кивнул. – Решено, бельчонок, ты у нас теперь дама с именем.

– Я вам что, ручная зверушка?

– Видишь, какой карьерный рост, уже не путана, а домашний зверек. И заметь, любимый, между прочим.

Конец фразы прилетел мне в спину. Я не стала дожидаться очередных издевательств и демонстративно обиделась, направляясь в комнату. Даже дверь хлопнула с оттяжкой.

Ожидала, что он последует за мной, но приближающихся шагов слышно не было. Легла на диван и прикрыла глаза.

Выдохнула. Вдохнула.

Успокойся, Белль, ничего страшного не произошло. Всё как всегда, ничего нового.

Не знаю, сколько прошло времени, но вскоре раздался стук. Осторожный, даже не наглый. Удивительно.

– Выходи, краса, я смеяться больше не буду, – прозвучал следом спокойный и серьезный голос Марата.

Подняла голову и наткнулась на его лицо в проеме двери. За это время он даже успел одеться и не вызывал у меня сейчас обильного слюноотделения.

– Точно? – с подозрением глянула на его губы, которые часто и безостановочно подрагивали.

Ясно. Еле сдерживал смех, но держался. Из-за меня. Ну что ж, этого достаточно.

– Да.

– Хорошо, – поднялась с дивана и подошла ближе.

У нас остался незакрытый вопрос, который продолжал меня волновать, и на обиды времени уже не было. Не терпелось скорее же подписать регламент.

– Итак, – скрестила на груди руки. – Раз уж мое имя мы прояснили, и вы обещаете больше не смеяться... Обещаете же?

Понимала, что напирая, но с волком жить – по-волчьи выть. Всё по-честному.

– Честное пионерское, – демонстративно провел по рту, якобы закрывая его на замок.

– Что-то мне подсказывает, что вы не были пионером, – фыркнула. – Но не суть. Вы дописали свои правила в регламент? Мы можем их обсудить?

Мужские губы всё же дрогнули, но он быстро принял максимально серьезный вид. Ненадолго, впрочем.

Он и серьезность в моем понимании не совместимы.

– Пройдем ко мне в спальню, – насмешливо произнес и добавил с подтекстом после короткой говорящей паузы. – Обсудим.

Выпрямился, отчего его майка натянулась, делая акцент на мускулах, и выразительно вздернул бровь.

– Вы хотели сказать, в мою?

От его вида у меня снова сперло дыхание. Надо с этим срочно что-то делать. Уже теряю голову даже от одетого.

Понимаю теперь, почему мужики при стояке без конца бегают под холодный душ. Мне и самой не мешало бы охладиться.

– В твою, – пророкотал, смакуя слово на языке. – Так мне нравится даже больше. Ну идем, краса. Обсудим.

Пропустила его вперед, а сама пошла следом. Не отказала на этот раз себе в своей слабости. Рассматривала его уже без стеснения.

– Я чувствую твой взгляд, краса, – дернул вдруг ягодичными мышцами, вгоняя меня в краску.

– Вам показалось, – буркнула.

– Ты знаешь, почему женщинам нравятся мощные мужские ягодичцы? – обернулся перед самой дверью.

– И почему же? – наивно спросила, не ожидая подвоха.

– Подтянутый зад позволяет лучше совершать поступательные движения. Вперед-назад, вперед-назад, – характерно двигает тазом в такт словам.

От его бесцеремонности в очередной раз перехватило дыхание, и я поджала губы, надеясь, что алые щеки не сильно выделяются на фоне моего побледневшего лица.

– Фрикции.

Не знаю, что сподвигло меня открыть рот, но лучше бы я этого не делала.

На мужском лице сразу же проступила улыбка чеширского кота.

– Да ты в теме, краса. Такими темпами и раскрепостим тебя.

Облегченно выдохнула и, наконец, разжала кулаки, когда он развернулся и открыл дверь, входя внутрь моей комнаты.

Недовольно подметила, что уже чувствовал себя хозяином, но в последний раз посмотрела на отметины от ногтей на ладонях и промолчала, пытаясь успокоить себя глубокими вдохами и выдохами.

Еще не хватало калечить себя из-за него.

Сначала я увидела постель. На удивление заправленную и не разворошенную, как ожидала.

Белье, которое я и так планировала выбросить или сжечь, лежало в углу, словно пользоваться Марат им больше не планировал.

Сам он сел на кровать и похлопал около себя.

– Присаживайся.

Фыркнула и двинулась к стульчику у туалетного столика. Еще не хватало садиться рядом с ним.

– Да ты у нас прям строптивая кобылка, – хмыкнул Архаров и развернул изрядно помятый им листок.

– Вы начинаете меня утомлять.

Гордо вздернула подбородок, а внутри тряслась аки мышь. Дрожала и всё ждала подвоха.

Самое ужасное, я к его откровенно пошлым фразочкам привыкла, но находиться рядом возле кровати, на которой происходили ночные непотребства, мне еще не приходилось.

В голове сразу возникали образы его голых накачанных ягодиц и... Сплотнула, с шумом проталкивая слюну.

– Хочешь? – прошептал вдруг томно Марат.

Вскочила с места, ощущая пульсацию в висках.

– Ничего не хочу! – чуть ли не крикнула.

Вопреки всем моим предположениям, Архаров вздернул бровь и глянул на меня с удивлением.

– Да не обязательно кричать. Не хочешь пить, так бы и сказала сразу. Три раза тебе вопрос задал.

С этими словами пожал плечами и поставил полулитровую бутылку воды обратно на тумбу. А вот я медленно села обратно на стул.

Щеки покраснели от стыда и своих непотребных мыслей.

Глянула на Марата, который в это время достал из-за уха ручку и провел ею по листочку.

– Давайте уже начнем. Сколько можно тянуть?!

Голос мой звенел, я его уже не контролировала.

Больше ожиданий моя нервная система не перенесет. Порок мне уже виделся там, где его и в помине не было. Это определенно знак, что пора увеличить между нами дистанцию.

– Итак, давай сначала пройдемся по твоим пунктам, – кивнул Марат, и у меня отлегло.

Выпрямилась и принялась внимательно ожидать начала его речи.

– У меня тут кое-какие поправки наметились. Важные.

Последнее добавил с особой ноткой. А он умеет быть жестким.

Поджала губы, но возражать не стала. Разговор еще не начался, а уже мне не нравился, но я решила дослушать до конца.

– Читайте уже, давайте, – процедила сквозь зубы, не выдержала напряжения.

Заерзала, когда он кинул на меня странный нечитаемый взгляд, и расслабилась, когда снова уткнулся в листок.

– Ну вот, смотри. Пункт первый. В мою спальню входить нельзя.

– Именно, – кивнула, сидя на стульчике так, словно это я гостья, а он хозяин.

Никогда еще не ощущала себя лишней в собственном же доме.

– Говорю сразу. Это невозможно. Ты спишь в гостиной, а там единственный балкон. Я курю, забыл тебе рассказать.

Открыла рот и закрыла обратно. В моей семье такой пагубной привычкой никто не страдал. Запрещено.

Разве что дядю Захара иногда ловила за этим занятием, но он просил сохранить это в тайне от мамы и бабушки с бабушкой.

Мужики, конечно, вырастают, но в душе всегда остаются мальчиками.

Видя мое обескураженное и явно недовольное лицо, Марат цокнул.

– Но если тебе непринципиально, могу на кухне в форточку курить.

– Нет! – закричала.

В ужасе представила, как там будет вонять.

– Ваша взяла, но имейте в виду, ходите только на балкон.

Сцепив зубы, приняла его аргумент и кивнула.

– Пункт два. Водить людей в дом нельзя.

– А здесь что вас не устраивает? – спросила максимально спокойно, но была натянута струной. Тронь – и взорвусь.

– Я по работе приехал в город, краса, так что ввиду твоей непростой ситуации, тебе либо придется ездить в офис со мной, либо мне приглашать сюда сотрудников. Документы сами себя не подпишут.

Видеть в доме посторонних я не желала, но ехать куда-то не хотелось сильнее, так что пришлось идти на компромисс.

– Хорошо. Давайте внесем поправку. Не водить в дом шлюх.

На мужских губах проступила усмешка, но он послушно записал мои слова в документ, от которого осталось только гордое название. С учетом, как он его облапал, боюсь представить, что он им делал, и как использовал.

– Пункт три. Душ с семи тридцати до восьми тридцати утра не занимать. С этим всё ясно, но у меня встречное условие.

– Слушаю.

– Душевая с шести тридцати до семи утра, а также с девяти до десяти вечера только в моем распоряжении.

– Зачем это вам?

Глянула на него с подозрением. Мужики обычно таким не заморачивались и принимали душ, когда придется.

– По утрам я обычно тренируюсь, а вечером принимаю расслабляющие ванны.

Комментировать не стала, но слишком отчетливо представила его обнаженным в окружении пены. Сглотнула. Снова.

Бред. Такой мужик не станет использовать пену.

– ... не нравится, конечно, но...

– А? Что? – подорвалась, пропустив добрую половину его речи.

– Ну-ка, краса, поведай, о чем задумалась? – наклонился и наострил уши, с интересом разглядывая мое красное лицо.

Да что ж такое-то сегодня со мной творится. Может, я заразилась?

– Заразилась? Чем это?

Господи, почему я не могу, как все нормальные люди, говорить не вслух, а про себя?

Марат сразу же подумал о самом непотребном и опустил глаза к моим бедрам. По моему телу прошел озноб, и я положила одну ногу на другую, скрещая их и таким образом отгораживаясь от мужского взгляда.

– Так что вы там говорили? Какой следующий пункт? Может, уже подпишем? – нервно щелкнула пальцами и дернула ногой на весу.

Архаров не оставил без внимания мое странное состояние, но промолчал, только вздергивая брови.

Комментировать слова про заражение не стал, и на этом спасибо.

– Другие пункты заслушивать не будем, краса?

– Сколько там еще осталось?

Мне кажется, или здесь катастрофически не хватает воздуха?

– Твоих еще три. С пятым всё ясно. Соблюдать тишину после двенадцати ночи. Полностью поддерживаю. Сладкий сон – залог хорошего здоровья.

Встала, открывая окно и впуская свежий воздух, и не видела в этот момент лица своего соседа.

Не решилась обернуться, слыша в его голосе подоплеку про сон.

– Мхм, – кивнула и махнула рукой, мол, продолжайте.

– А вот в четвертое я бы внес дополнение. Руки не распускать, если сосед сам этого не хочет.

Успокоив колотящееся сердце, повернулась и сразу же наткнулась на его спокойный взгляд.

Марат сидел на кровати, подогнув одну ногу под себя, и в целом вид у него был расслабленный. Слово он только вылез из постели после бурного соития.

Впрочем, Марат и порок – синонимы.

– Дальше, – поправила ворот футболки.

Надо бы новую купить. У этой ткань в щитовидку впивается.

– И, наконец, коронное. Шестое. Глупых вопросов не задавать. И что ты подразумеваешь под глупыми вопросами, краса, м?

– Если вы этого не понимаете, значит, задаете глупый вопрос.

Нервничала и понимала, от чего.

Близкое присутствие дядиноного друга заставляло потовые железы функционировать на полную мощь, а сердце колотиться, как ненормальное.

Ощущение, будто я кросс пробежала, километров пять, не меньше.

– С тобой всё в порядке? У тебя пот по вискам течет.

Голос у Архарова, как назло, звучал обеспокоенно. Куда-то исчезла его извечная похотливая полуулыбка и говорящий блеск в глазах.

– Я... Просто душно здесь, я к жаре не привыкла.

Марат обвел взглядом комнату, открытое окно, затем сухого себя.

– Да вроде, наоборот, прохладно.

– Хватит ко мне приставать. Забудьте про шестой пункт и давайте уже свои правила, – процедила, желая закончить этот фарс как можно скорее.

Мне срочно нужно под холодный душ.

– У меня два правила, краса. Первое. Кушаем только вместе. Завтрак, обед, ужин.

– Зачем это? – вскинула напряженно голову и впиалась в него взглядом.

Внутри у меня расползся необоснованный страх. Господи, Белль, неужели ты боишься сидеть с ним за одним столом? Это же просто смешно.

– Я так привык. Мой каприз, считай. Я же с твоими правилами согласился.

– Хорошо, а второе?

Еле сдерживалась, чтобы не обмахнуть себя ладонью. От пота чесалось тело, а от сквозняка поддувало шею.

– Ты, как моя спутница на эту неделю, сопровождаешь меня на все вечерние мероприятия, – сверкнул глазами и довольно улыбнулся.

– Сразу нет, – дернулась, не представляя, как смогу провести в его обществе так много времени.

– Это мое правило, Белль. Компромисс, помнишь? – взмахнул ресницами и поставил обе ступни на пол, широко при этом расставив ноги.

Листочек остался сиротливо лежать на кровати, а я провела языком по губам. Воздуха вдруг стало катастрофически не хватать.

Может, если бы не мой мандраж, всё бы обернулось по-другому, но обсуждать регламент дольше я уже не могла.

– Поменяйте это правило и замените другим, – высказала в ультимативной форме.

Архаров наклонил голову набок и молчал, заставляя меня нервничать сильнее. Пришлось переступить с ноги на ногу и почесать висок – сил терпеть больше не было.

– Я могу его вообще убрать, краса, – хмыкнул и снова замолчал, оставляя мне только один вариант – гадать, что же он потребует взамен.

– Ну.

– Ты позволишь называть себя бельчонок, – цокнул, перекатывая последнее слово на языке аки самое сладкое лакомство.

Сейчас он напоминал мне котяру, который выпрашивал у хозяйки вкусняшку. Из той породы кошачьих, которые позволяли себя гладить по шерстке, а сами в это время приручали свою владелицу, прогибая со временем под себя и свои хотелки.

– Нет.

– Да.

– Нет.

– Только да.

Наш спор мог бы продолжаться долго, но на его лице возник упрямый оскал, а взгляд стал донельзя упертым. Знала, он будет стоять до победного, а еще дольше оттягивать наш разговор сил у меня не осталось.

– Хорошо. Давайте быстрее подпишем, – вскочила и, несмотря на проигрыш, радостно притопывала ступнями по ворсу.

– Слушай, краса, не торопись, я подготовлю регламент в цифровом виде и распечатаю его на Захаровом принтере. Это ведь документ, причем серьезный. Негоже его вот так представлять, не находишь? – помахал перед моим носом мятым листком.

В его словах был резон, и я согласилась с доводами, бочком постепенно продвигаясь к выходу.

– Так не терпится в душ? – иронично вздернул бровь и сложил на груди руки.

– С чего взяли? – насторожилась.

– Спорим, твои трусики сейчас выжимать можно от влаги?

Ахнула, услышав настолько бесцеремонный вопрос, и даже остановилась как вкопанная у самого порога.

– Да что вы себе...

– Ну разве я не прав?

Он был прав и знал это, но мне это совершенно не нравилось.

– Глупости, сказала же, дома душно.

– Ну-ну, – снова цокнул.

Засмеялся тихо, а затем сделал мне вопиющее предложение.

– Стань моей любовницей, Белль, и холодный душ принимать не придется.

– Да как вы... Да вы вообще ни причем!

– Сколько тебе? Двадцать два, верно? И ты всё еще девственница. Почему?

Отвечать на этот бесцеремонный и наглый вопрос не собиралась. Но ему мои ответы были ни к чему.

– Я умею делать хорошо и стану чутким первым. Тебе понравится. Не чета твоим прыщавым однокурсникам. Дай себя поцеловать, и сама убедишься.

– Будь вы даже последним мужчиной на земле, ни за что бы не легла под вас! – прошипела и развернулась, гордо удаляясь с комнаты.

Может, во мне проснулась женщина, может, коварная мстительница, но уходя, я виляла бедрами, выписывая восьмерки, и благодарил уроки по танцу живота.

Пусть этот негодяй захлебывается слюной, зная, что никогда не получит мое тело в свое грубое мужланское пользование.

Глава 6

Как только я оказалось в коридоре, закрыла за собой дверь и буквально пулей побежала сразу же в ванную. Мне срочно нужно охладиться, а всё остальное подождет.

Струи воды остудили тело и привнесли в мой разум ясность.

Проанализировала весь этот день, поняла, что Марат Архаров – катализатор для скачков моего настроения.

– Стань моей любовницей, Белль. Я умею делать хорошо и стану чутким первым. Тебе понравится, – всё время повторяла про себя сказанную им фразу.

Не знаю, как долго я мылась, но легче мне стало ненамного.

Внутри я продолжала лихорадочно гореть. Многие моменты дошли до меня из-за этого с опозданием.

Так что только после холодного душа до меня дошло, что ни на какие мероприятия Марат ходить и не собирался.

По вечерам ведь он тренируется, после чего принимает ванну, а значит, он просто... Развел меня, как ребенка.

Надев белый банный халат и скрепив на голове полотенце наподобие чалмы, протерла ладонью запотевшее зеркало. Из отражения на меня смотрела бледная девица с ярко-алыми щеками.

Пальцами коснулась губ, гадая, настолько ли хороши поцелуи Марата, как он их рекламирует.

Тпру, Белль, останови на этом свои фантазии. Еще не хватало поддаваться на провокации Архарова.

Взмахнув ресницами, надела тапочки и вышла из ванной комнаты аккуратно в тот момент, когда прозвенел звонок в дверь.

Застыла на минуту, почему-то решив, что это вернулся Егор, и быстро юркнула к глазку, чтобы убедиться в своей правоте и предостеречь Марата.

Лучше будет, если что, всё-таки вызвать наряд полиции.

Но вопреки моим опасениям, на лестничной площадке топтался не мой сталкер, а какая-то блондинистая девица в облегающем костюме.

– Вы к кому?

Открыла дверь, но церемониться не стала. Обвела взглядом незнакомку и осталась недовольна увиденным.

На сто процентов была уверена, что это к Марату.

Юбка-карандаш подчеркивала ее крутые бедра и пышные ягодицы, а разрез сбоку делал акцент на бесконечно длинных ногах – из всего этого я могла похвастаться лишь задницей.

Блузка из-за большой груди трещала по швам, а расстегнутые пуговицы не скрывали кружева бюстгалтера. Фи, как пошло, красный.

– Я? – брови девицы удивленно вскинулись вверх. – Ошиблась, что ли? Марат сказал вроде тридцать пятая.

Она как-то замялась, отступила на шаг и, схватившись за дверь алыми ногтями, чуть двинула ее вбок – посмотреть на номер квартиры.

– Да, вы!

Взбесилась вдруг ни с того ни с сего, глядя на разукрашенную фифу во все глаза. Хотелось дать ей пинка под зад, но мое желание было нерациональным. Со всех сторон.

– Я... – будто задумалась, надувая пухлые, явно естественные губы. Наградила же мать-природа, не поскупилась. – Я к... Марату Ра... Мара-ра... Маратику. К Маратику я. Да.

Странная заминка была мною успешно проигнорирована. Всё, что меня интересовало – это с какой стати Архаров удумал тащить сюда своих любовниц. И пусть даже не врет, что она сотрудница по работе.

– Марати-и-ик, – протянула я на всю квартиру, чтобы этот бугай уж точно услышал мой пропитанный ядом голос.

Со стороны моей спальни раздались шаги, а затем дверь открылась, являя лик венценосного архара. Ему бы рога, и совсем красота. Жаль, неженатый.

– Красавица Белль, передумала всё же? – дернул бровями и растянул губы в горделивой улыбке, которая так и кричала, еще никто от предложений Марата Архарова не отказывался.

Даже начал срывать с себя футболку, но в последний момент остановился, видимо, заметив мое ехидное выражение лица.

– К вам тут гостя, – попыталась представить девушку покультурнее. – Дорогая, судя по виду. Сколько за нее отвалили? Тыщу баксов?

– А ты ревнуешь?

Натянул футболку обратно на торс и двинулся к нам.

– Больно надо. Но вы же помните правило три, всяких путан не водить?

– Да что вы себе позволяете, вы вообще кто такая?! – визгливо закричала оскорбленная блондинка, и цвет ее волос подействовал на меня, как красная тряпка для быка.

– Лучше бы вам заткнуть свою путану! – зло процедила и ткнула пальцем ему в грудь.

Он как раз оказался рядом со мной, но на этот раз его близость меня не взволновала. Я была слишком зла, чтобы обращать внимание еще и на этого бугая.

– Вы подписали документ?

Выдохнув, постаралась успокоиться, а то он уже и без того косится на меня с довольным видом и продолжает, как назло, молчать. На нервы мне действует, гад.

– Регламент я только распечатал. Подпишем после ухода Маши, – кивнул мне и ласковым голосом затем обратился к девице, у которой от счастья расправились плечи. – Идем, куколка, у нас дел неуворот, на всё про всё всего час. Быстрее, пока цербер тебя не покусала.

Девушка скрылась в моей спальне и напоследок окатила меня презрительным взглядом. А Марат, этот негодяй, даже ни разу не обернулся, закрывая за собой дверь.

Я потопталась в коридоре, пытая и даваясь собственной злостью, а затем громко потопала в гостиную.

Может, я заболела, или у меня ПМС? Обычно я тихая и спокойная, а сегодня какой-то... Цербер, реально.

Не выдержала и пяти минут, как взяла банку и прилипла к общей со своей комнатой стене, прикрыла глаза и стала прислушиваться.

Тихо.

Иногда звучал ненавистный женский голос.

Снова тишина.

А затем раздался скрип. Неужели это кровать?

Р-р-р.

Тишина.

Снова скрип.

Ну нет, никакого разврата в доме дяди я не потерплю!

Вооружившись банкой, словно шла на изнурительную и священную войну, на цыпочках направилась к двери.

Одним глазком гляну, что там происходит. Чисто убедиться, что всё чинно и благородно. И ни капельки я не ревную. Просто есть правила, и их надо соблюдать.

Глава 7

Марат

Захлопнув дверь, тут же сбросил улыбку и надел серьезную маску начальника.

– Марат, я так рада, что ты поставил эту грубую девицу на место и, наконец, обратил на меня внимание.

Голос Маши сочился довольством, и, пока я разворачивался, она уже успела расстегнуть оставшиеся пуговицы, обнажая голый живот и вываливая буфера наружу.

Никогда не был любителем таких доек и поморщился. Это у нас Захар, скорее, ходок по таким бабенкам. Мне же больше по душе миниатюрные наподобие бельчонка, с упругой задницей и аккуратными грудками.

– Застегни блузку, Мария, и доставай документы.

Холодом в моем голосе можно замораживать воду в лед. Она застыла с открытым ртом и непонимающе продолжала пялиться на меня.

– Оставь свои фантазии насчет меня и приступай к работе. Тебя зачем прислали? Чтобы ты документы привезла-отвезла, вот и выполняй свои прямые обязанности.

– Но...

– Никаких но, – чуть поднажал, добавляя в голос строгости.

– Вы же сами меня куколкой называли и...

До конца еще не догнала, но тыкать перестала. Прогресс. Глядишь, к концу встречи прекратит светить своим богатством.

Опустил глаза и хмыкнул. Красное кружевное. Вульгарно. Хотя... Если бы Белль надела подобное, может, у меня и встал бы.

Стоило только вспомнить, как она лепетала подо мной утром, убеждая, что я перепутал ее с ночной бабочкой, в штанах снова зашевелилось, но я усилием воли выбросил эти мысли из головы.

– Еще раз назовешь бельч... Белль грубой девицей, вылетишь с работы пробкой. Всё понятно, или мне на пальцах тебе объяснить?

В женских глазах отразилось озарение и восприятие действительности, и пуговицы быстро вернулись на место.

Иногда Маша была понятливой девчонкой, и наглухо закрытый вырез до шеи стал тому подтверждением.

– Епифанцев запросил документы по финансовому состоянию Альмеры?

– Да, скинул вам на почту.

– Отлично. Я пока посмотрю их отчеты, а ты займись-ка важным делом и напечатай регламент.

Протянул ей листок и усадил за свой личный ноутбук, а сам лег с корпоративным на кровать. Та от моего веса прогнулась и скрипнула, слегка ударяясь о стену, а я сделал себе пометку в голове – купить новую. Нехорошо будет Белочку любить на этой после одноразовой куклы из клуба.

– А как печатать? – последовал глупый вопрос от Маши.

– Как приказы печатаешь, так и регламент. Не тупи. Печать привезла, кстати?

– Конечно.

– Как напечатаешь, сразу на печать отправляй и шлепай сверху мою печать, – сам не заметил, как затавтологил.

Ох уж эти многозначные слова. Или это омоним? По русскому у меня выше тройки отметки не стояло, поэтому уверен не был и плюнул. Не на уроке же.

– А где принтер?

Раздраженно посмотрел на нее и встал, чувствуя, как кровать заскрипела снова. Этот звук уже порядком начинает мне надоедать.

– Я пока принтер принесу, а ты закажи сюда новую кровать. И давай без вопросов, Маш. Двуспалку да подороже, и чтобы сегодня же привезли к вечеру.

На этот раз от нее не последовало ни единого слова, и я, стараясь не шуметь, бесшумно открыл дверь. Двигался как можно тише и с удовольствием подметил, что дверь в гостиную приоткрыта.

А когда заглянул туда, чуть не расхохотался, увидев, как, оттопырив попку, юная Мата Хари пыталась выведать, чем мы с Машей занимаемся в спальне.

Сглотнув слюну, поспешил в комнату Захара за принтером, пока не сорвался и не подскочил к Бельчонку.

Так и тянуло прижаться бедрами к этим тугим и упругим ягодицам, облапать, проверяя, так ли они хороши, как я помнил.

– Заказала? – спросил у Маши, быстро вернувшись на место с добычей.

Прикрыл за собой дверь и установил технику, подсоединяя к ноутбуку.

– Да. Но привезут только к восьми вечера.

– Отлично.

Как раз вместо тренировки займусь сборкой, заодно покрасуюсь перед Белль и покажу ей, какой я хозяйственный.

Спустя время закончил с изучением нужных документов и занялся подписью приказов и договоров.

– Напиши пока Епифанцеву, чтобы подготовил всё для поглощения нашим клиентом Альмеры.

– А разве у них не слияние?

– Уже нет, – усмехнулся. – У Альмеры дела не так хороши, как они говорили на переговорах, так что ни сил, ни финансов сопротивляться у них не будет. Пусть Епифанцев приступает.

Маша вопросов задавать не стала, понимая, что в юридических аспектах мне равных нет.

Прилег на кровать и закинул руки за голову, диктуя секретарше, что печатать.

Несмотря на кланья длинных ногтей по клавишам, я услышал кое-что важное.

– Раздевайся, – тихо приказал Маше и вскочил с постели, выпрямляясь во весь рост.

– Ну наконец-то, я уж думала, вы импотент, – раздраженно выдохнула эта курица и стала расстегивать пуговицы на блузке.

Благо, с письмом и всеми делами мы закончили.

– О сексе со мной и не мечтай. Придай себе расхристанный вид и закрой рот. Еще не хватало, чтобы ты мне подсечку испортила.

– А? Чего? – открыла рот секретарша и застыла хмуря брови.

Я же стянул с себя футболку и взъерошил волосы, как мог, придавая себе ошалелый вид.

– Долгая ты, Маша, – качнул головой, увидев, что она ничего толком не сделала.

Времени было в обрез, поэтому я подошел и просто разорвал женскую блузку, руками дергая ее в разные стороны. Пуговицы попадали бесшумно на ковер, но я пресек все возмущения Маши на корню.

– Премию выпишу. Новую себе купишь. А теперь цыц, чтобы ни звука не слышал.

Она послушно закрыла свой пухлый рот, а вот я на ее месте представил бельчонка. На разорванной блузке с ней у нас бы дело точно не закончилось.

В этот момент слегка заскрипела дверь. И если бы я не прислушивался, а был сосредоточен на постельных делах, ни за что бы не услышал этот тихий звук.

Но на беду Белль, я стоял, скрестив на груди руки и смотрел, как она пыталась незаметно просунуть голову, чтобы подсмотреть, что происходит в спальне.

– Ай-я-яй, краса, тебя мама разве не учила в детстве, что подглядывать за взрослыми дядями и тетями нехорошо?

Прозвучал ее вскрик, а затем тишина.

Я же получал несравнимое удовольствие, дразня свою пигалицу и наблюдая, как от смущения и злости краснело ее лицо.

Поскольку скрываться больше не имело смысла, она толкнула дверь сильнее и встала в проеме, жадно рассматривая меня и Машу. Губы ее поджались, а глаза заметали молнии.

– Вы... – от праведного гнева у нее чуть ли не пар из ушей шел.

– Маша, подай регламент, – протянул руку, и мне в ладонь лег листок.

Ручка по привычке лежала за ухом, и я, прислонив документ к стене, бодро его подписал.

– А вот теперь можно и по договору жить, – засвистел и протянул подписанную бумагу девчонке.

Та нахмурилась и со злостью вырвала у меня ее из рук, но подписывать не торопилась. Еще раз окатив нас двоих презрением, молча удалилась к себе. О том, что ей была небезразлична эта сцена, говорил характерный хлопок двери. Этого мне пока было вполне достаточно.

– И что это было, Марат Рамисович?

Раздраженный голос секретарши не мог испортить мне настроение, и я спокойно наблюдал за ее сборами, даже ни разу не поугрожав увольнением.

– Это называется ревность, Маша.

– Дурачок вы, Марат Рамисович, хоть и умный мужик, – с этими словами схватила собранную сумку и потопала к входной двери, надевая на ходу одну туфлю.

– За оскорбления тебе не платят, Мария, соблюдай субординацию.

– Да я же вам помочь хочу, – обиженно засопела и стала натягивать вторую туфлю.

Никогда не понимал, как женщины плывут на таких ходулях. На них же убиться можно.

– Ну и? В чем проблема? – скрестил руки, решив послушать, чего такого дельного она может мне сказать.

Маша выпрямилась, надела на себя пиджак, застегивая на все пуговицы и скрывая оставшиеся ошметки от блузки. И только после посмотрела мне в глаза.

Я чуть не отшатнулся, впервые за эти годы увидев там серьезного человека, а не секс-машину, готовую в любой момент завлечь тебя в тест-драйв.

– Это у мужиков срабатывает чувство собственности, основанное на ревности. Вы же все помешаны на соперничестве, и стоит только замаячить на горизонте потенциальному чужаку, вы тут же становитесь заинтересованными в женщине.

В ее словах была доля истины, но с одной важной поправкой. Для этого женщина должна изначально мужику нравиться.

– А вот мы, девушки, народ более прихотливый и разборчивый.

Еле сдержал усмешку, припомнив, как на прошлой неделе Маша вешалась на одного из акционеров.

– Ваши эти ситуации на грани и ввод соперниц, скорее всего, оттолкнут вашу девушку, – кивнула в сторону гостиной, где снова спряталась Белль. – Редко в какой девушке срабатывает инстинкт борьбы за территорию, а она не похожа на ту, которая будет вас добиваться.

Стиснул челюсти, недовольный ее словами, ведь это была чистая правда.

Мне приходится прикладывать немало усилий, чтобы сломить неприступные бастионы бельчонка, а она всё упирается, хотя любая другая уже давно бы лежала подо мной после многочисленных оргазмов.

На секунду вдруг во мне разыграла совесть, всё же она племянница Захара, но и я не на один раз хочу к ней яйца подкатить.

В идеале – построить длительные отношения, а там, если выгорит, и свадьбу сыграем, чем черт не шутит.

– И что ты предлагаешь?

Не думал, что доживу до того момента, когда буду просить совета у секретарши.

– Для начала вам бы не мешало извиниться перед ней за этот цирк и убедить, что у нас не было секса, – хмыкнула и открыла дверь.

– У нас и так его не было.

– А вы попробуйте доказать это, Марат Рамисович. И поверьте, это будет ой как сложно. Мы, девушки, народ подозрительный и недоверчивый, а вы сейчас испортили всё что можно и нельзя.

– И что ты...

Не дала договорить и перебила.

– Могу вам пожелать только удачи. Ничего больше вам не поможет.

Вышла и закрыла за собой дверь, оставляя меня в расстроенных чувствах. Мне показалось, или она наслаждалась собственным триумфом?

Обернулся и посмотрел на закрытую дверь гостиной. Оттуда раздавалась тишина.

Впервые за тридцать три года заинтересовался девушкой настолько, что потерял голову, а еще даже суток с нашего знакомства не прошло. Кому сказать, не поверят.

Остановился около гостиной, занес руку, да так и застыл, не зная, с какой фразы начать разговор.

Может, я и правда перегнул палку в своих попытках завоевать неприступную красавицу?

Настолько привык сам играть роль писаного красавца, что совсем забыл, что в этой истории я должен быть заботливым чудовищем.

Придется менять себя, Марат Рамисович, пора уже взрослеть и добиваться свою женщину настоящими мужскими поступками. Знать бы еще, как.

Глава 8

Настроение вдруг отчего-то испортилось. Кинула неподписанный регламент на столик и легла на диван лицом к обивке.

Спать не хотелось, но сил ни на что не было.

Изнутри разъедали воспоминания. Сцена, которая предстала передо мной, когда я ворвалась в свою же комнату.

Полуголый Архаров и девица за его спиной в не менее расхристанном виде.

Крутила это в голове из раза к разу, пока не услышала хлопок входной двери. Неужели ушла? Что, никакого второго раунда?

Злорадно мысленно хихикнула, а в реальности нахмурилась и присела на диван, вслушиваясь, что происходило снаружи.

На цыпочках подошла к двери. Я просто хочу попить воды на кухне, ничего больше. С этими мыслями потянула на себя дверь и застыла, глядя, как около двери тихо стоит Архаров. Подозрительно.

– И кого из нас мама не учила подслушивать?

Слышала яд в своем голосе не менее отчетливо, чем видела его лицо напротив. Какое-то обескураженное и будто виноватое.

Хотелось задеть его посильнее, чтобы он взбесился, но я его практически не знала, так что о слабых сторонах осведомлена не была.

– А что, есть что подслушивать? – усмехнулся, в глазах его вновь заискрило веселье.

– Может, и будет, – гордо вздернула подбородок и прошла мимо, огибая его так, чтобы не касаться тела.

Казалось, между нами искрило, но не в хорошем смысле. Я готова была вцепиться ногтями ему в шею и выпустить гнев наружу, но могла лишь войти в кухню, подойти к столешнице и налить себе из графина воды. Надеялась, что это успокоит меня хоть немного.

– Ревнуешь? Поэтому злишься, краса? М? – пошел следом за мной и встал рядом, заглядывая мне в лицо.

– Не понимаю, о чем вы. Мне просто не нравится, когда люди нарушают договоренности, – процедила, подняв на него взгляд и поражаясь, как можно быть настолько твердолобым.

– И какой же пункт я нарушил, бельчонок?

– Не называйте меня так! – выпалила.

– Как же? Это же условия нашего соглашения, забыла? Ты сама с этим условием согласилась.

– Это уже не имеет значения. Не после того, как вы нарушили пункт два – топнула ногой, раздражаясь от его манеры увиливать от ответов.

– Пункт два? – задумчиво пожевал губу и вскинул зрачки кверху, будто задумался.

– Так уж и быть, напомню вам, раз у вас преждевременный старческий склероз. Пункт два. Не водить в дом шлюх.

Произнесла на эмоциях, делая четкий акцент на последнем слове. Черт, выдала свою заинтересованность, которой больше нет. Нет же, Белль, правда?

Сердце заныло и ускорилося, грозя сломать мне ребра и выскочить наружу.

– Я никогда не нарушаю своих обещаний, Белль, – вдруг резко обхватил меня руками за бедра и подтянул к себе, так что я оказалась прижата спиной к столешнице.

Встал ко мне так плотно, что отойти у меня не было возможности.

Наклонился близко к уху и чересчур интимно прошептал.

– Никогда.

– Ваша Маша... – прошипела, более не сдерживаясь.

Вцепилась ногтями в его руку, которую он так и не убрал с моего бедра, но, как назло, он не то что не дернулся, но даже не зашипел от боли. Носороговая у него кожа, что ли.

– Маша – секретарь моего подчиненного в филиале фирмы, в которой я работаю. Не путана. Я же говорил тебе, что приехал по рабочим делам. И мы обговаривали с тобой нюансы пункта два и договорились, что сотрудники ко мне в дом приходить могут.

– А говорили, что не помните этот пункт.

– Говорил? – хитро глянул на меня.

– Ну показывали всем видом, что не помните, что у вас склероз! – рявкнула, теряя терпение.

– Показать, насколько мне до старческого склероза далеко? – двинул бедрами, вынуждая меня тяжело задыхаться.

Его вставшее хозяйство уперлось мне прямо в живот.

Удивительно для мужчины, у которого недавно был секс.

– Ах да, таким, как вы, нужны более конкретные определения. То есть вы считаете, что обходить правила вот так можно? Раз официально не путана, а секретарь, то можно приглашать ее и...

Договорить мне не дали. Мужская ладонь легла на мой рот и закрыла его, прекращая поток моего словоблудия.

– Обходить правила – моя работа, краса, но не в этом случае. Я пообещал следовать регламенту, и я буду ему следовать. Даже если не сразу его подписал.

Замычала, слюнявя его ладонь, но не помогло. Руку он по-прежнему не убрал.

– И с Машей у меня ничего не было. Просто хотел пошутить. Согласен, неудачно, но как я должен был реагировать на твои выкрутасы? То с банкой у стены подслушиваешь, то пытаешься незаметно подглядеть за мной, а сама при этом всем видом демонстрируешь мне свое фи. Признайся, я тебе нравлюсь. Зачем ходить вокруг да около, мы же взрослые люди.

Покраснела, как только до меня дошли его фразы. О черт, неужели он видел? Какой позор.

Архаров смотрел на меня виноватым и в то же время заинтересованным взглядом. Я же старательно отводила свои глаза и нервно заламывала пальцы, не зная, куда деть руки.

– Я просто... Я... – силилась придумать себе оправдание, чтобы не выглядеть сталкершей, но, как назло, ни одной идеи в голову так и не пришло.

– Влюбилась? – прошептал, подсказывая, но заставил меня покраснеть сильнее.

– Еще чего! – прошипела и от негодования снова расправила плечи. – Просто...

– Блюла целомудренность квартиры, да, краса?

В его голосе отчетливо слышалась насмешка, которую он и не скрывал.

– Вот именно! – не нашла ничего лучше, чем согласиться.

Но оправдания мои выглядели жалко и блекло, так что мы оба знали, что он в них не поверил и остался при своем мнении.

– Долгий путь нам предстоит, – после разглядывания моего лица мужчина тяжело вздохнул и качнул головой. – Ну хватит дуться, краса, и выпускать иголки. Я же уже сказал, что был тебе верным.

– С чего вы взяли, что меня это волнует? – фыркнула.

Встала в защитную позу и скрестила на груди руки.

– Как тебя встретил, ни на кого больше не встает, – прохрипел и прошелся взглядом по моему телу, останавливаясь отчего-то на груди.

Опустила глаза, чувствуя себя неловко, и покраснела.

После душа я надела на себя маечку и спортивные штаны, вот только не рассчитала, что рост Марата открывал ему великолепный обзор сверху, позволяя видеть мои прелести, даже не напрягаясь.

Прикрыла ладонью слишком глубокий вырез и с возмущением уставилась на этого наглеца, подметив и увеличившийся бугор в штанах, и дернувшийся кадык, и горящие темными желаниями глаза.

И губы, подозрительно не опухшие и не размалеванные.

Припомнила вдруг, что алая помада на губах Маши не была размазана, словно они не целовались, и вкупе с его заверениями это сыграло свою роль в том, что я вдруг успокоилась.

Вот только всё равно прищурилась, продолжая негодовать. А то ишь, заставил меня понервничать и хочет сразу моего прощения. Каков наглец.

И ни разу мне в голову не пришла мысль, что это меня совершенно не касается, уж слишком я увлеклась эмоциями, которые Марат во мне вызывал.

– Хоро... – только заговорила, решаясь принять выброшенный им белый флаг, как вдруг прозвучал звонок в дверь.

Кажется, этот тяжелый день никогда не закончится. Не дом, а проходной двор.

Мы с Архаровым переглянулись и посмотрели друг на друга с подозрением. Судя по его напряженным плечам, он никого не ждал.

– Это точно Егор вернулся, – выдохнула в страшной догадке.

– Сам открою.

– Стой...те.

Никто меня не послушал. Марат даже не стал смотреть в глазок, дернул щеколду вправо и по-хозяйски открыл дверь.

– Чего надо? – набычился, накидываясь сходу на посетителя.

Но им оказался, на удивление, не Любавин, а незнакомый парень в красной форме и с желтой квадратной сумкой.

– Д-доставка, – даже заикаться стал, увидев перед собой грозное лицо Архарова.

– А. Понял, – хмыкнул мой сосед и даже как-то расслабился. – Совсем забыл про вас.

Как оказалось, он заказал еду на дом. Итальянская кухня была не самой любимой, но пасту я жаловала.

– И зачем? Я собиралась готовить, – буркнула, как только курьер ушел благостный после того, как ему вручили чаевые.

Архаров понес пакеты на кухню, я же пошла следом за ним, ведомая приятными ароматами и подгоняемая урчащим животом.

– А ты умеешь? Я думал, горелая каша – твой предел. Не переживай, я хороший добытчик, так что с голоду мы не помрем. Бери себе на заметку, или где вы там, женщины, все эти галочки нам, мужикам, выставляете.

Хмыкнула, не став его разуверять, хотя частично он был всё же прав.

Ни одна здравомыслящая женщина замуж за тунеядца и несамостоятельного криворукого, который не в состоянии себя прокормить, не выйдет.

– Это не домашнее, сплошные углеводы и... – не договорила, застыв взглядом на стеклянной бутылке, которую он вытащил из бумажного пакета. – Это что, морковный сок?

– Свежевыжатый, бельчонок.

– Еще скажите, орехи купили.

Замолчала, как только следом из упаковки вышла пачка фисташек. Засопела, хотя сама руками потянулась к лакомству.

– Это подкуп и шантаж, – проворчала для порядка, а сама уселась на стул и уже более благосклонно взирала на то, как из пакета, как из ларца сокровищ, появлялись яства.

Внутри ворочалось нехорошее подозрение, что он знал мои вкусовые пристрастия заранее, но наезжать за это было бы верхом глупости. Пришлось молча открыть пакетик фисташек и забить ими рот.

– Это еще не подкуп, так, небольшой аванс, – ухмыльнулся, продолжая шуршать упаковками и целлофанами.

Он что, собирался накормить целую роту? Иначе не могу объяснить, каким образом стол оказался завален всевозможной едой. Нам этого и за неделю не осилить.

– Еще чего, несвежее есть. Это только на сегодняшний ужин.

Не успела переварить сказанное этим буржуем и принять факт своих мыслей вслух, как произошло непоправимое.

– Эй! Отдайте, это мое! – запищала возмущенно, когда он внезапно выхватил у меня из рук оставшиеся фисташки, а затем и морковный сок.

– Нечего аппетит портить. Сначала первое, затем второе, а потом, так уж и быть, погрызешь свои орешки, белочка, – заявил ультимативно, а я насупилась, пытая и зло прожигая его взглядом.

Дергаться смысла не было, и спорить тоже, так что я осталась сидеть на своем месте и дуть губы. Во мне вдруг проснулась капризная девочка.

А нечего меня грызуном обзывать!

Архаров как-то споро всё разложил по тарелкам, без стеснения похозяйничав в кухонных шкафчиках, пока я продолжала обиженно молчать, а затем уселся напротив меня, пододвигая ко мне пасту.

– Откуда вы узнали, что я люблю? – подозрительно прищурилась, но за вилку схватилась. Обиды обидами, а ужин по расписанию.

– Так я угадал? – растянул губы в улыбке этот образец невинности.

– Угумс, – неопределенно пожала плечами и практически накинута на болоньезе, наслаждаясь каждой спагетинкой. Ммм, божественно.

– Не делай такое лицо, краса, иначе я начну ревновать к пасте.

Подняла глаза и покраснела, заметив его плотоядный взгляд. К своей еде он до сих пор так и не притронулся.

Сглотнула и чуть не закашлялась, поперхнувшись от его бесцеремонного внимания. Сделала глоток воды из стакана, который он бережно подтолкнул ко мне. Надо же, какой заботливый, аж бесит.

– Вы вообще умеете контролировать себя? – зашипела, протолкнув еду по пищеводу. – Даже спокойно поесть не дадите, неужели у вас настолько запущенный спермотоксикоз?

Последнее выпалила на эмоциях, а затем, когда до меня дошло, что я только что произнесла вслух, у меня перехватило дыхание.

Опустила глаза, чтобы не встречаться с его и не краснеть от стыда. Божечки-кошечки, как уши-то горят.

– Спермотоксико-о-оз, – повторил за мной непонятным тоном. – Не думаешь, что неуместно употреблять та-а-акие слова и обращаться к человеку на вы? Не комильфо.

– Мы с вами на брудершафт не пили, чтобы я к вам, дяде, на вы обращалась, – съязвила, ощутив раздражение.

Ой и зря же я это сказала.

– Значит, исправим, – улыбнулся хищно и тут же принял благопристойный вид.

Вот только в этот момент я как раз поднимала голову и успела увидеть его истинное лицо.

Вздрогнула, понимая, что попала в лапы хищника, у которого с каждым моим отказом лишь усиливался охотничий инстинкт. Попала ты, Белль, так попала.

Глава 9

Поскольку голод я утолила, то с жадностью смотрела на свои лежащие на столешнице фисташки и морковный сок.

– Слушай, а в школе тебя дразнили? – спросил вдруг ни с того ни с сего Марат, перестав звенеть приборами и откидываясь на спинку стула.

– Без комментариев, – процедила сквозь зубы.

Об этом мне вспоминать совершенно не хотелось.

– Значит, дразнили.

– Да вы сама проницательность.

– Даже не представляешь, насколько, краса.

– И не собираюсь. Увольте меня от ваших пошлостей.

– Заметь, непотребства в моих словах видишь ты одна. Это о многом говорит.

Интонация его была двусмысленной, и это не могло мне показаться.

Закатила глаза, встала со своего места и взяла свои лакомства, наслаждаясь, наконец, тишиной.

Вот оно значит как. Стоило один раз не ответить Архарову, как он сразу же замолчал. Лепота.

– Отец у тебя, значит, Ярополк, – задумчиво произнес он, сидя напротив меня за столом и будто еле сдерживая смех.

Выдохнула, пытаясь успокоиться. Рот у него словно помело. И чего, спрашивается, докопался до меня.

– Я не хочу обсуждать эту тему.

Попыталась донести до него мысль, что продолжать не стоило, но ему хоть бы хны.

– А чем твоя семья занимается? Я правильно понимаю, что Захар – твой дядька по матери? Получается, староверы – семья твоего отца, – сделал свои выводы и продолжил рассуждать вслух. – Ну да, судя по вашим интересным именам, всё так и есть. А деда твоего как звали?

Не дождавшись от меня никакого ответа, наклонился вперед, сверкая блеском в глазах.

– Как отца твоего по батюшке величать, м, Белочка Ярополковна?

Заскрежетала зубами, допивая сок и ставя его с шумом на стол.

– Светозарович его величать, Марат Рамисович.

Встала, отодвигая со скрежетом стул, и молча ретировалась, оставив бардак на Архарова. Раз такой болтливый и рукастый, как говорил, пусть сам всё и убирает.

Вслед мне донесся тихий смех, от которого у меня свело скулы, но я проигнорировала и закрылась в гостиной, мечтая о том дне, когда он, наконец, свалит.

Уже согласна терпеть сталкерство Егорки Любавина, он хотя бы докучал мне не двадцать четыре на семь.

Опустила голову на подушку и сама не заметила, как задремала.

Не знаю, сколько прошло времени, но в этот раз я проснулась уже от поглаживаний. Приятное ощущение.

– Ммм, мам, чуть левее под лопаткой, – пробурчала в подушку, выгибаясь и подставляя спину под ласковые касания.

Странно, что мама молчала, но спросонья мозг включался в работу неохотно и лениво.

– А ты у нас кинестетик, оказывается, бельчонок, – прохрипел вдруг сверху мужской голос.

Застыла, а затем взвизгнула, ощущая, что всё это время Маратовская лапища покоилась на моей ягодице.

Подорвалась, вжимаясь лопатками в спинку дивана и выставляя подушку в качестве защитного орудия.

– К-как вы... Да вы... – выдыхала с сипением и смотрела на Архарова, как можно более грозно.

А вот он сидел напротив и улыбался, обводя меня своим нечитаемым взглядом. Совсем офигел, уже домогается до меня спящей.

– Вы что, извращенец? – выкатила претензию, прищуриваясь и впиваясь в него гневным взором.

– С чего это?

– Лапаєте меня, пока я сплю. Да вы хоть знаете, как это называется?

– М? Просвети меня, краса. Я тут, понимаете ли, массаж ей делаю, извиняюсь, а она чем-то недовольна?

Глаза его насмешливо и дерзко блеснули, а я не нашлась с ответом. Он всё так ловко перевернул, выставив виноватой меня, что я открыла и снова закрыла рот, не придумав, что ему в итоге предъявить.

– Извращуга озабоченный.

Несмотря на собственное замешательство, сочла своим долгом обозвать его. Получила хотя бы моральное удовлетворение.

Вот только он ни капли не обиделся, а лишь улыбнулся, будто ему это также доставило удовольствие. Мазохист какой-то.

– Ладно, бельчонок, чего ты дуешься? Я не хотел тебя обидеть, – покаянно качнул головой, но я была непоколебима и полна решимости объявить ему бойкот.

– Ага, как же, – буркнула, отчего-то вступая с ним в разговор.

Сердце, наконец, перестало колотиться, как бешеное, и я протерла глаза, сбрасывая остатки оцепенения и сонного состояния. Встряхнула слегка головой, чтобы окончательно прийти в себя, и прижала к груди подушку. С ней я ощущала себя не так неуверенно в присутствии этого озабоченного бабуина.

– У тебя самое необычное имя, которое я когда-либо слышал. Ты же знаешь это, так чего обижаешься? Я просто тебя дразню, краса, уж очень приятно наблюдать за твоим румянцем.

Марат пожал плечами и слегка виновато дернул губами, но я не поверила ему ни на йоту. Уж больно он не был похож на человека, который способен извиняться. Явно пытается залезть мне в трусики любыми доступными способами, бесстыдник.

Поджала губы и встретила с его глазами.

– У вас глаза зеленые, – пробормотала вслух. – А утром серые были.

– Они меняют цвет, – ответил мужчина, но голос его звучал с легкой хрипотцой и еще какой-то непонятной мне интонацией.

Между нами возникла вдруг неловкость, и я перевела взгляд на обои. Но всё равно не смогла сдержать любопытства и спросила.

– От чего?

– Потом расскажу.

Такой ответ меня не устроил, но затем Марат встал с дивана и потянулся, хрустя косточками.

– Старость – не радость? – съязвила, не удержалась.

– Хочешь проверить? Ты только скажи, я...

– Всегда готов, да, можете не повторять. Я все ваши словечки уже наизусть знаю.

– Поверь, краса, о способностях моего языка ты пока не в курсе. Заметь, ключевое слово – пока.

Сглотнула, коря себя за несдержанность. Не учла, что в словоблудии ему не было равных, и не мне тягаться с профессиональным обольстителем.

Шумно и с сипением выдохнула воздух и насупилась, сверля Архарова взглядом.

– Ну всё, краса, хватит дуться. На обиженных воду возят.

Промолчала, не собираясь следовать его совету. Ишь, еще будет контролировать, обижаться мне или нет.

– Мороженое будешь? – вдруг спросил, когда наше молчание стало затягиваться.

Это был удар ниже пояса. Вот же ж какой пронизательный.

Пожевала губу и сдалась.

– Буду, – прогундела заложенным носом.

– Тогда одевайся, сходим в ближайший магазин. Нужно продуктами заодно затариться, а то у Захара шаром покати.

Не нашлась с ответом, пока вдруг не вспомнила кое-что важное.

– Вы же сами сказали, что добытчик и будете заказывать еду на дом, – не могла не припомнить его пафосные слова.

– Про доставку я ничего не говорил. Но как добытчик буду заниматься покупкой пропитания. И потом, ты же сама говорила, что готовить сама будешь. Или за свои слова не отвечаешь? – сверкнул хитрыми глазами, загоняя меня в угол.

Так и подмывало парировать, что я имела в виду только сегодня, но по факту, соврала бы. Желания питаться его доставкой у меня не было, а артачиться и вставать в позу сейчас только для удовлетворения своей вредности было бы верхом глупости. Всё равно ведь завтра готовить, а продуктов, действительно, нет. А раз уж он предлагает сходить за ними вместе, не пропадать же дармовой рабочей силе в его лице.

– А пойдемте. И не в ближайший, а в супермаркет в центре. Только учтите, нам мно-о-ого чего купить надо, – мстительно прищурилась и вытолкала его за дверь, собираясь переодеться.

Не в пижаме же на улицу идти.

Но когда мы вышли из дома, я чертыхнулась. Не учла, что у взрослого мужика, конечно же, есть собственное средство передвижения. Огромная, черная, тонированная машина. Ну да, другого от Архарова не стоило ожидать.

– Садись, краса, прокачу с ветерком, – галантно открыл мне пассажирскую дверь.

Сесть самой оказалось весьма проблематичным. Пришлось воспользоваться помощью Марата, который подтолкнул меня своей пятерней под ягодицы, и я порадовалась, что моего лица в этот момент он не видел.

Красное, словно помидор, с ярко горящими, блестящими глазами и пульсирующей веной на виске.

Внутри салона приятно пахло и веяло мужским духом.

Сглотнула, когда дверца захлопнулась, и вжалась спиной в сиденье, с гулко колотящимся сердцем ожидая, когда мужчина займет водительское кресло.

Еле дышала, пока Марат устраивался на своем месте, но поглядывала на него краем глаза.

Подметила, что выглядел он в салоне черного монстра весьма уместно – внушительные руки свободно и легко легли на руль, привлекая внимание к его бицепсам и выпуклым венам, а уж когда он коснулся коробки передач, отвела взгляд, надеясь, что мои крамольные мысли не видны на моем алом лице.

Глава 10

Всю дорогу до супермаркета старалась не поворачивать в его сторону голову, иначе боялась, что он заметит, о чем на самом деле я думаю.

– Нравлюсь? – вдруг спросил у меня хриплым тоном, когда машина остановилась на перекрестке.

На светофоре загорелся красный.

– А?

Его вопрос застал меня врасплох.

Марат был так сосредоточен на дороге, и я не думала, что обращал внимания хоть на что-то.

Мужская голова повернулась вбок, и он без стеснения посмотрел на мое пунцовеющее лицо.

– Ты смотришь на меня и молчишь. Смею надеяться, любишь?

– Смей, кто ж мешает, – фыркнула, а сама еле удерживала руки на коленях.

Хотелось поднять их и ударить себя по груди, чтобы унять ускорившееся сердцебиение.

– Рад, что разрешаешь. Буду любоваться тобой, как и ты мной. В – взаимность.

Казалось, кроме стука пульса я вокруг больше ничего не слышала. Только его грубый и насмешливый голос.

– И ничего я не любовалась. Даже не поворачивалась к вам. С чего такие претенциозные выводы?

– Может, и не поворачивалась, но уж женский любопытный и ласкающий взгляд я способен почувствовать на раз, краса. Признайся, не можешь удержаться и украдкой подглядываешь? Так ты не стесняйся, смотреть можно, я разрешаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.